

Мор, ученик Смерти

Автор:

Терри Пратчетт

Мор, ученик Смерти

Терри Пратчетт

Плоский мир Смерть #1

Смерть ловит рыбу. Веселится на вечеринке. Напивается в трактире. А все обязанности Мрачного Жнеца сваливаются на хрупкие плечи его ученика. Но делать нечего: берем косу, прыгаем на белую лошадь Бинки – и вперед!

Терри Пратчетт

Мор, ученик Смерти

© Перевод. С. Жужунава, 2006

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

Посвящается Райенне

В этой озаренной ярким пламенем свечи комнате хранятся жизнеизмерители. Стеллаж за стеллажом тянутся приземистые песочные часы – по одному стеклянному сосуду на каждого живого человека. Они работают непрерывно,

не требуя завода, все льют и льют свой мелкий песок из будущего в прошлое. Каждая падающая песчинка добавляет неприметный шелковый звук в общий свист, отчего кажется, что помещение полнится звуком морского прилива.

А вот и обладатель этой необычной комнаты, он медленно и величаво шествует вдоль стеллажей. Вид у него озабоченный. Его зовут Смерть.

Не просто Смерть как некое общее, абстрактное понятие. Сфера деятельности данного должностного лица, говоря по правде, вовсе даже не сфера, а скорее плоскость. Так вот, плоскость его деятельности включает в себя Плоский мир. Этот мир, как следует из названия, совершенно плоский и покоится (точнее, едет верхом) на спинах четырех огромных слонов. Слоны стоят на панцире гигантской звездной черепахи по имени Великий А'Туин. Диск обрамлен водопадом, пенные каскады которого бесконечной лавиной обрушиваются в космос.

Ученые подсчитали, что шансы реального существования столь откровенно абсурдного мира равняются одному на миллион.

Однако волшебники подсчитали, что шанс «один на миллион» выпадает в девяти случаях из десяти.

Смерть с холодным постукиванием передвигается по выложенному черной и белой плиткой полу. Его костяные пальцы перебирают ряды занятых своей работой песочных часов. При этом он бормочет что-то, но бормотание заглушается плотными складками одеяния и капюшона.

В конце концов он, по-видимому, находит, что искал. Смерть осторожно снимает прибор с полки и подносит к ближайшей свече. Он держит часы таким образом, что свет блестит и играет на пузатых стенках. Он пристально смотрит на маленькую сияющую точку.

Неподвижный взгляд глазниц, в глубинах которых мерцает дымный голубоватый свет звездных туманностей, обволакивает всемирную черепаху, которая плывет сквозь пространство, мерно гребя гигантскими лапами. Ее панцирь изуродован рубцами от врезавшихся в него комет и испещрен ямами от метеоритов. Смерть знает: настанет день, когда даже Великому А'Туину придется умереть. Ну и работенка предстоит тогда, нечего сказать!

Но сейчас Смерть погружается в сине-зеленое великолепие самого Диска, совершающего медлительные повороты под крохотным, вращающимся вокруг него по орбите солнцем. Взгляд Смерти перемещается в направлении гигантской горной гряды, называемой Овцепикскими горами. Эти горы полны укромных долин, неожиданно вздымающихся утесов и проч., и проч. Вообще, на квадратный метр здесь приходится такое количество разнообразных географических явлений, что сами Овцепики не знают, что с ними делать. Здесь царит своя, присущая именно Овцепикам погода, которая характеризуется остервенелыми ветрами и перманентными грозами. А когда идет не менее перманентный дождь, то создается впечатление, будто кто-то на небе в припадке злости обрушивает на землю целые тучи шрапнели. Некоторые утверждают: все это потому, что в Овцепиках нашла себе пристанище древняя неприрученная магия. Но вы сами знаете, чего стоит эта людская болтовня.

Смерть мигает, прищуриваясь, и вглядывается в поросшие густой травой склоны.

Вот он смотрит на конкретный склон.

На конкретное поле.

На конкретного бегущего по полю мальчика.

Смерть наблюдает.

А затем голосом, подобным удару каменной плиты о гранит, произносит:

– ДА.

В почве этой холмистой, обрывистой местности присутствовало нечто магическое. Об этом явно свидетельствовал странный оттенок, присущий произрастающим здесь растениям. Именно поэтому местность называли Краем Октариновой Травы. Другим свидетельством «намагниченности» почвы служил тот факт, что это был один из немногих районов Плоского мира, где произрастают особые виды растений, приносящие обратнoлетний урожай.

Плодоносящие обратным образом злаки растут во времени задом наперед. Вы сеете семена в этом году, а они прорастают в прошлом.

Семейство Мора специализировалось на перегонке вин из обратнoлетнегo винограда. Эти вина, обладающие необыкновенной силой, пользовались большой популярностью у предсказателей, поскольку давали возможность увидеть будущее. Единственная неувязочка заключалась в том, что похмелье наступало утром накануне. Чтобы преодолеть его, ничего не оставалось, кроме как надраться в доску.

Люди, занимающиеся выращиванием обратнoлетних растений, отличаются солидным сложением и серьезным нравом. Значительную часть своего времени они уделяют философским размышлениям о жизни и внимательному изучению календаря. Крестьянин, по забывчивости не посеявший обычное семя, всего лишь лишается урожая. Однако человек, не посеявший семена урожая, собранного двенадцать месяцев назад, рискует повредить саму ткань причинности, не говоря уже о том, что провинившегося всю жизнь будет терзать раскаяние.

В равной степени неловко чувствовала себя и семья Мора, поскольку младший сын относился к наследственному ремеслу крайне несерьезно, а степень его таланта к выращиванию садовых культур была примерно такой же, как у морской звезды. Не то чтобы от него вовсе не было никакого толку – просто его стремление помогать смутно отдавало жизнерадостной готовностью бодрого недоумка, из кожи вон лезущего, лишь бы помочь «взрослым дядям». В результате серьезные мужчины научились бояться его помощи как огня. Казалось, он является источником какой-то заразы, возможно даже смертельной. Мор был высок, рыжеволос и весь обляпан веснушками. В дополнение к этим особенностям своим телом он управлял лишь чисто условно. Да и как можно управлять штуковиной, состоящей из одних колен?

В данный конкретный день эта «штуковина» во весь опор неслась по полю, размахивая руками и вопя во всю глотку. Отец и дядя Мора наблюдали сию неутешительную картину, стоя на высокой каменной стене.

– Что не укладывается в голове, – произнес отец (которого звали Лезек), – так это то, что птицы даже не улетают. Я бы непременно улетел, если б увидел, что в моем направлении движется такой ужас.

– Эх... Удивительная вещь – человеческое тело. Ноги у него заплетаются, и при всем при том он умудряется набрать порядочные обороты.

Мор достиг границы вспаханной части поля. Обожравшийся до полной невозможности передвигаться голубь, кренясь, лениво уступил ему дорогу.

– Знаешь, с сердцем-то у него все в порядке, – тщательно подбирая слова, произнес Лезек.

– Ага. Неполадки со всем остальным.

– Он очень аккуратен. Всегда убирается в доме. Ест немного, – добавил Лезек.

– Да что там, я и сам это вижу.

Лезек скользнул взглядом в сторону брата, который не отрываясь смотрел на небо.

– Слышал, у тебя на ферме освободилось местечко, Хамеш, – сказал Лезек.

– Ага. Так я уже взял подмастерье, разве ты не знаешь?

– А-а-а, – разочарованно протянул Лезек. – И когда?

– Вчера. – Ложь Хамеша была молниеносна, словно гремучая змея. – Все договорено и подписано. Так что извини. Послушай, я ничего не имею против юного Мора. Хороший паренек, такие нечасто встречаются. Дело лишь в том, что...

– Знаю, знаю, – махнул рукой Лезек, – просто у него не только руки, но и все остальное растет из задницы.

Оба уставились на виднеющуюся в отдалении фигуру. Фигура упала. Несколько голубей вперевалку подошли к ней с целью выяснения подробностей.

– Знаешь, он ведь не дурак, – нарушил молчание Хамеш. – Ну, то есть дураком его не назовешь.

– Мозги у него на месте, – подтвердил Лезек. – Правда, иногда он начинает думать так усердно, что приходится колотить его по голове. Только это и помогает. Глядишь – уже очнулся, смотрит на тебя и даже видит что-то. Бабушка, на беду, научила его читать. Я так считаю, мозги его от этого малость перегреваются.

Мор наконец поднялся на ноги и принялся отряхиваться.

– Тебе нужно пристроить его к какому-нибудь ремеслу, – задумчиво произнес Хамеш. – Он может стать жрецом, например. Или волшебником. Они много читают, волшебники эти...

Братья переглянулись. Обоих охватило одинаково недоброе предчувствие при мысли о том, что может наворочать Мор, попади в его жаждущие добрых дел руки магическая книга.

– Ладно, оставим, – поспешно заявил Хамеш. – Можно придумать что-нибудь другое. На свете столько всего, к чему Мор может приложить свои таланты.

– Он слишком часто думает, в этом вся беда, – отозвался Лезек. – Вот сейчас, посмотри на него. Никто не размышляет о том, как пугать птиц. Их просто пугают. Я имею в виду, нормальные мальчишки.

Хамеш задумчиво поскреб подбородок.

– Ты можешь переложить эту проблему на другие плечи, – наконец произнес он.

Выражение лица Лезека не изменилось, лишь морщинки вокруг глаз приняли какой-то новый изгиб.

– Это ты о чем? – спросил он.

– На будущей неделе в Овцекряжье состоится ярмарка по найму работников. Отдашь его в подмастерья, и вся недолга. Пускай новый хозяин выбивает дурь

из его башки. Это закон такой. Отдаешь его в ученики, заключаешь контракт, и хозяину уже никуда не деться.

Лезек посмотрел вдаль, на своего сына, погружившегося в изучение какого-то булыжника.

– Я бы не хотел, чтобы с ним случилось что-то плохое, – с сомнением в голосе пробормотал он. – Мы здорово любим его, мать и я. Привыкаешь как-то к людям...

– Но это ведь ради его же собственного блага. Сделай из него мужчину.

– Ага. Да уж. Необработанного сырья тут хоть отбавляй, – вздохнул Лезек.

Камень попался страшно интересный. К его поверхности приросли изогнутые ракушки, реликтовые останки первых дней мира, когда Создатель по никому не ведомой причине занимался творением существ из камня.

Мора много что интересовало. Почему, например, зубы у людей так точно подогнаны один к другому? Над этой задачей он размышлял долго и упорно. И вот еще головоломка: почему солнце светит днем, а не ночью, когда свет совсем не помешал бы? Он знал стандартное объяснение, но оно его не удовлетворяло.

Короче говоря, Мор относился к категории людей более опасных, чем мешок, набитый гремучими змеями. Он был полон решимости докопаться до логической основы Вселенной.

План при всей своей похвальности вряд ли осуществимый, поскольку логикой здесь и не пахло. Собирая мир, Создатель выдал на-гора массу выдающихся и в высшей степени оригинальных идей. Однако сделать мир понимаемым в его задачу не входило.

Трагические герои вечно стенают, когда боги проявляют к ним интерес. Однако круче всех приходится как раз тем, кого боги игнорируют.

Отец, как обычно, принялся драть глотку. Мор бросил камнем в голубя. Обожравшаяся птица решила было не реагировать, однако в конце концов все-

таки убралась с пути Мора. Паренек уныло побрел к дому.

Вот так и случилось, что вскоре, в канун Ночи Всех Пустых, то бишь свячельника, погрузив скудные пожитки сына на ослика, отец повел Мора в Овцекряжье. Размеры городка в основном ограничивались размерами центральной, выложенной булыжником площади, по периметру которой выстроились мастерские, обеспечивавшие окрестные фермерские хозяйства всем необходимым.

Не прошло и пяти минут, как Мор вышел из мастерской портного уже в обновке. Обновка представляла собой болтающееся одеяние коричневого цвета и неопределенного предназначения. Очевидно, предыдущий обладатель, надев новое платье, скинул старое и прямо в мастерской его и оставил, испытывая облегчение и радость – чувства в данном случае более чем понятные. По-видимому, главной целью приобретения было не лишить Мора возможности вырасти именно в этой одежде. Причем явно исходили от предпосылки, что вырасти ему предстоит в девятнадцатиногого слона. Отец окинул сына критическим взглядом.

– Очень прилично, – хмыкнул он, – тем более за такие деньги.

– У меня все чешется, – ответил Мор. – И, кажется, кроме меня там есть кто-то еще.

– Тысячи мальчишек в этом мире были бы очень благодарны за такую красивую, теплую... – Лезек сделал паузу и сдался. – Короче, за одежду вроде этой, сынок.

– А не мог бы я поделиться ею с ними? – с надеждой в голосе спросил Мор.

– Тебе надо выглядеть умным, – строго произнес Лезек. – Ты должен производить впечатление, выделяться из толпы.

Тут цель была достигнута на все сто. Что-что, а уж выделяться он будет. Отец и сын стали пробираться сквозь запрудившую площадь толпу народа. Каждый был погружен в собственные размышления. Раньше Мор с удовольствием посещал городишко. Ему нравилась царящая здесь космополитическая атмосфера, приятно было вслушиваться в странные диалекты жителей деревень, находящихся на расстоянии целых пяти, а то и всех десяти миль. Но на сей раз

его точило неприятное, тревожное предчувствие – словно он вот-вот вспомнит то, что еще не случилось.

Ярмарка проходила примерно следующим образом: люди, ищущие работу, ломаными линиями выстроились посреди площади. Многие из них прикрепили к шляпам маленькие символы, показывающие миру, в какого рода работе они знают толк. Пастухи носили клочки овечьей шерсти, возчики засовывали за тутью прядку лошадиной гривы, мастера по внутренней отделке помещений – полоску затейливых гессийских обоев, и так далее, и тому подобное. Мальчики, желающие поступить в подмастерья, кучкой робких овец толпились в самой середине людского водоворота.

– Ты просто идешь и становишься туда. А потом кто-нибудь подходит и предлагает взять тебя в ученики, – произнес Лезек голосом, из которого не сумел изгнать нотки некоторой неуверенности. – Если ему понравится твой вид, конечно.

– А как это делается? – спросил Мор. – То есть неужели по виду человека можно сразу определить, подходит он тебе в подмастерья или нет?

– Ну... – Лезек сделал паузу.

По поводу этой части программы Хамеш не дал ему объяснений. Пришлось поднапрячься и поскрести по сусекам внутреннего склада знаний в области рынка. К сожалению, склад содержал очень ограниченную и сугубо специфическую информацию о продаже скота оптом и в розницу. Осознавая недостаточность и неполную, скажем так, уместность этих сведений, но не имея в своем распоряжении ничего другого, Лезек наконец решил:

– Наверное, тебе считают зубы и все такое. Удостоверятся, что ты не хрипишь и что с ногами у тебя все в порядке. На твоём месте я не стал бы упоминать о любви к чтению. Это настораживает.

– А что потом? – спросил Мор.

– Потом ты отправляешься с этим человеком и учишься какому-нибудь ремеслу.

– Какому именно?

– Ну... плотник, например, хорошая профессия, – осмелился высказать свою тайную мечту Лезек. – Воровство тоже неплохо. Кому-то ведь надо этим заниматься.

Мор уставился себе под ноги. Он был хорошим сыном и всегда стремился выполнять сыновние обязанности – когда вспоминал о таковых. И если для этого требовалось стать подмастерьем, то он был исполнен решимости стать хорошим подмастерьем. Однако плотницкое ремесло не слишком манило его. Дело в том, что дерево обладает собственной независимой и упорной жизнью и склонно давать трещины. Что же касается официальных воров, то в Овцепикских горах они были редкостью. Местные жители были недостаточно богаты, чтобы позволить себе подобную роскошь.

– Ну хорошо, – наконец произнес он. – Я пойду и попробую. Но что будет, если меня никто не возьмет в подмастерья?

– Не знаю, – поскреб в затылке Лезек. – Я считаю, тебе просто надо подождать до самого конца ярмарки. То есть до полуночи. Я так думаю.

Приближалась полночь.

Булыжники начали покрываться тонкой глазурью изморози, которая, когда на нее наступали, издавала скрип. На главном украшении площади – высокой часовой башне – произошло движение. На циферблате, с двух его сторон, с жужжанием распахнулись дверцы, и пара искусно вырезанных из дерева автоматических человечков молоточками отбила очередную четверть часа.

Пятнадцать минут до полуночи. Мор вздрогнул и зябко поежился. Но стыд и врожденная настырность полыхали в его душе таким раскаленным пламенем, что склоны преисподней показались бы прохладной долиной по сравнению с горизонтами его души, по которым плясали алые языки вышеупомянутых переживаний. Чтобы чем-то занять себя, Мор принялся дуть на пальцы. Затем уставился на замерзающее небо, стараясь не встречаться взглядом с теми немногими людьми, которые еще бродили по опустевшей площади.

Большинство торговцев, занимающих прилавки, уже собрали товар и ушли. Даже продавец пирогов с мясом перестал выкрикивать свое «с пылу с жару» и, позабыв о личной безопасности, с аппетитом уплетал собственное изделие.

Последний из товарищей Мора по надеждам исчез несколько часов назад. Это был сутулый юноша с бессмысленным взглядом. В довершение картины у него беспрерывно текло из носа. Этими своими особенностями он привлек лицензированного нищего попрошайку Овцекряжья. Захлебываясь от восторга, тот заявил, что юноша просто-таки чистое золото, идеальный материал для профессии. Парень, стоявший по другую сторону от Мора, ушел еще раньше. Ему предстояло стать мастером по изготовлению игрушек. Один за одним они расходились – каменщики, кузнецы, убийцы, ткачи, медники, мошенники и пахари. Через несколько минут начнется новый год и новая жизнь для доброй сотни ребят. Исполненные надежд, они сделают первый шаг в своей карьере, перед ними распахнется широкая дорога достойной жизни и полезного служения людям.

Чувствуя себя жалким и подавленным, Мор терялся в догадках, почему же не выбрали его. Он из кожи вон лез, чтобы выглядеть респектабельным. Каждому из потенциальных будущих хозяев он смотрел исключительно в глаза и подкупающим взглядом. Таким образом он надеялся создать впечатление молодого человека, обладающего чрезвычайно, просто редко ценными положительными качествами и замечательным характером. Однако все его усилия были тщетны.

– Хочешь горячего пирога с мясом? – спросил отец.

– Нет.

– Он их дешево продает.

– Нет. Спасибо.

– О-ох.

Лезек поколебался.

– Я могу узнать у продавца, может, ему нужен подмастерье, – стараясь поддержать сына, произнес он. – Очень надежное ремесло – поставщик провизии.

– Вряд ли ему кто-то нужен.

– Ты прав, наверное, не нужен, – согласился Лезек. – Бизнес вроде как для одного человека, я так думаю. К тому же он все равно уже ушел. Знаешь что, я оставлю тебе кусочек.

– Я и вправду не проголодался, пап.

– Тут небось и хрящика ни одного нет, все чистое мясо.

– Не хочу. Но все равно спасибо.

– О-ох, – Лезек чуть-чуть сник.

Он принялся пританцовывать, чтобы вбить в замерзающие ноги немного жизни, затем просвистел несколько лишенных мелодии тактов. Он испытывал чувство, что должен что-то сказать, вернее, изречь – нечто вроде мудрой тирады или житейского совета. Напомнить, что в жизни есть темные и светлые полосы, положить руку на плечо сына и пространно заговорить о проблемах взросления – короче говоря, показать, что мир – это забавное местечко, в котором человеку, метафорически выражаясь, не следует проявлять излишнюю гордость и отказываться от предложенного ему горячего пирога с мясом.

На площади, кроме них, никого не осталось. Мороз, последний в этом году, все крепче и крепче сжимал своей хваткой булыжники.

Высоко на башне спрятанное за циферблатом зубчатое колесо повернулось, издав звонкое «клонк!», зацепило зубцом рычаг, освободило храповик и позволило упасть тяжелому свинцовому грузу. С жутким металлическим хрипом дверцы на циферблате раздвинулись, и глазам зрителей предстали скромные труженики часов. Дергающимися движениями, словно страдая от острого приступа болезни под названием «артрит роботов», они заколотили молоточками, звоном провозглашая новый день.

– Такие-то дела... – голосом, в котором забрезжила надежда на ночной сон, протянул Лезек.

Им предстояло найти местечко для ночевки. Ночь Всех Пустых не самое подходящее время для прогулок по горам. Может, удастся заночевать в каком-нибудь хлеву...

– Еще не полночь. Полночь наступает с последним ударом, – сдержанно произнес Мор.

Лезек пожал плечами. Сила упорства Мора положила его на обе лопатки.

– Хорошо, – ответил он. – Тогда давай подождем.

И тут они услышали стук копыт. Звуки прокатывались по морозной площади, и были они несколько громковаты, гораздо громче, чем допускают естественные акустические законы. Мор чуть не заткнул уши – повсюду над его головой гремело, скрежетало и дребезжало. Назвать этот звук скромным перестуком копыт было бы поразительной неточностью, ведь перестук предполагает довольно милого, забавного и веселого пони в соломенной шляпе с прорезями для ушей. Характер этого звука явно показывал, что в данном случае о соломенной шляпе даже речи идти не может.

Лошадь вступила на площадь с пупсторонней дороги. Пар, клубясь, валил от огромных влажных белых боков. Копыта выбивали из булыжника искры. Лошадь шла горделивой рысью, словно в атаку на противника. Нет, она определенно не носила соломенной шляпы.

Верхом на лошади сидел высокий человек. Защищаясь от холода, он целиком запахнулся в свое одеяние, и его громадная фигура производила грозное впечатление. Когда лошадь достигла центра площади, всадник не торопясь спешился. Затем принялся возиться с чем-то притороченным к седлу. В конце концов он (или она) вытащил торбу, закрепил ее за ушами у лошади и ласково похлопал животное по шее.

Воздух приобрел плотность и жирную глицериновую вязкость. Глубокие тени, окружавшие Мора, окаймились голубыми и сиреневыми радужками. Всадник широкими шагами двигался в сторону молодого человека, его черное одеяние

вздымалось, а каблуки, касаясь булыжников, издавали легкие щелчки. Эти щелчки были единственными оставшимися в живых звуками – тишина сомкнулась над площадью, словно сверху упал гигантский ком плотной ваты.

Впечатление подпортилось не вовремя подвернувшимся скользким участком заледенелого булыжника.

– У, ПРОКЛЯТЬЕ.

С голосом, произнесшим эту фразу, было что-то не так. Нет, со словами все было в порядке. Но они попали в голову Мора, не взяв на себя труд пройти предварительно через уши.

Юноша ринулся вперед, чтобы помочь упавшему подняться, и обнаружил, что хватается за... руку ли? Это была гладкая, глянцевая кость, слегка желтоватая, подобно старому бильярдному шару. Капюшон откинулся с головы своего владельца. На Мора направлял пустые глазницы голый череп.

Пустые, да не совсем. В самой их глубине, словно в окнах, открытых в бездонные космические бездны, подрагивали две крохотные голубые звездочки.

Мору пришла в голову мысль, что ему полагается испытывать ужас. Так что он был даже слегка шокирован, обнаружив, что ничего подобного не испытывает. Перед ним на булыжниках сидел не кто иной, как скелет. Он потирал ушибленные колени и недовольно ворчал. Но скелет был живой. Он производил занятное впечатление, но по некой странной и неведомой причине впечатление это было не очень-то пугающим.

– СПАСИБО, МАЛЬЧИК, – донеслось из черепа. – КАК ТЕБЯ ЗОВУТ?

– Э-э... – не сразу нашелся Мор. – Мортимер... господин. Но все называют меня Мор.

– КАКОЕ СОВПАДЕНИЕ, – произнес череп. – ПОМОГИ МНЕ ВСТАТЬ, ПОЖАЛУЙСТА.

Он неуверенно поднялся на ноги и принялся отряхиваться. Теперь Мор разглядел, что его талию опоясывает широкий пояс, с которого свисает меч с

белой рукоятью.

- Надеюсь, ты не ушибся, – вежливо произнес Мор.

Череп в ответ оскалился в широкой ухмылке. Конечно, подумал Мор, ассортимент выражений лица у него таков, что выбирать особо не приходится.

- НИКАКОГО ВРЕДА, ПОХОЖЕ, Я СЕБЕ НЕ ПРИЧИНИЛ.

Череп огляделся и, по-видимому, впервые заметил Лезека. Тот словно примерз к месту, на котором стоял. Мор решил, что настало время дать некоторые разъяснения.

- Мой отец, – произнес он, незаметно, чтобы никого не обидеть, заслоняя спиной замороженный «экспонат номер один». – Прости меня, но ты – Смерть?

- ПРАВИЛЬНО, МАЛЬЧИК. ВЫСШАЯ ОЦЕНКА ЗА НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ.

Мор проглотил слюну.

- Мой отец хороший человек, – выдавил наконец он. И, подумав некоторое время, добавил: – Вполне хороший. Если тебе безразлично, к кому идти, то я бы предпочел, чтобы ты оставил его в покое. Не знаю, что ты с ним сделал, но мне бы очень хотелось, чтобы ты перестал. Не сочти за оскорбление.

Смерть отступил на шаг, склонив череп набок.

- ПРОСТО НА ДАННЫЙ МОМЕНТ Я ВЫВЕЛ НАС ЗА ПРЕДЕЛЫ ВРЕМЕНИ. ОН НЕ УВИДИТ И НЕ УСЛЫШИТ НИЧЕГО ТАКОГО, ЧТО МОЖЕТ ЕГО РАССТРОИТЬ. НЕТ, МАЛЬЧИК, ТЫ ЗАБЛУЖДАЕШЬСЯ. Я ПРИШЕЛ ЗА ТОБОЙ.

- За мной?

- ТЫ ВЕДЬ ЯВИЛСЯ СЮДА В ПОИСКАХ РАБОТЫ?

В голове у Мора забрезжил свет понимания.

- Так ты ищешь подмастерье? - не веря своим ушам, уточнил он.

Глазницы с горящими ярким пламенем голубыми звездочками (пылающие булабочные головки) обратились в сторону Мора.

- РАЗУМЕЕТСЯ.

Смерть взмахнул рукой-костью. В воздухе полоснуло пурпурным светом, чем-то вроде зрительной формы взрывного звука, и Лезек разморозился. Над головой у него автоматические человечки циферблата вновь принялись за свою работу, провозглашая наступивший час, - Время получило позволение вновь просочиться в Реальность.

Лезек заморгал.

- На минуту потерял вас из виду, - промолвил он. - Простите, видно, мысли бродили где-то в другом месте.

- Я ПРЕДЛОЖИЛ ТВОЕМУ СЫНУ РАБОТУ, - сказал Смерть. - ПОЛАГАЮ, ТЫ ОДОБРИШЬ МОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ?

- Если не трудно, не мог бы ты еще раз объяснить, в чем заключается твоя работа? - спросил Лезек, беседуя с облаченным в черное одеяние скелетом и не выказывая при этом даже тени удивления.

- Я ВВОЖУ ДУШИ В МИР ИНОЙ, - сообщил Смерть.

- Ага, - кивнул Лезек. - Конечно, прости, мне следовало бы догадаться по твоей одежде. Очень необходимая работа - и пользующаяся постоянным спросом. Надежный бизнес?

- Я РАБОТАЮ УЖЕ ИЗРЯДНОЕ ВРЕМЯ.

- Хорошо. Хорошо. Знаешь, я никогда не задумывался всерьез о такой профессии для Мора, но работа приличная и, главное, надежная, всегда есть клиенты. Так как, ты сказал, тебя зовут?

– СМЕРТЬ.

– Папа... – поторопился вставить Мор.

– Не знаком с такой фирмой, – как ни в чем не бывало продолжал беседу Лезек. – А где вы конкретно располагаетесь?

– ОТ ГЛУБОЧАЙШИХ МОРСКИХ БЕЗДН ДО ТАКИХ ВЫСОТ, КУДА ПОРОЙ НЕ ПОД СИЛУ ВЗЛЕТЕТЬ И ОРЛУ, – обрисовал Смерть.

– Достаточно серьезно, – кивнул головой Лезек. – Ну что ж, я...

– Папа! – позвал Мор, потянув отца за рукав. Смерть положил руку на плечо Мора.

– ТО, ЧТО ВИДИТ И СЛЫШИТ ТВОЙ ОТЕЦ, ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ ТОГО, ЧТО ВИДИШЬ И СЛЫШИШЬ ТЫ, – произнес он. – НЕ ТРЕВОЖЬ ЕГО. ТЫ СЧИТАЕШЬ, ЧТО ЕМУ БУДЕТ ПРИЯТНО ЛИЦЕЗРЕТЬ МЕНЯ В НАТУРАЛЬНОМ ВИДЕ – ВО ПЛОТИ, ТАК СКАЗАТЬ?

– Но ты – Смерть! – воскликнул Мор. – Ты занимаешься тем, что ходишь и убиваешь людей!

– Я? УБИВАЮ? – отозвался Смерть, явно оскорбленный до глубины души. – ДА КАК ТЕБЕ ТАКОЕ МОГЛО ВЗБРЕСТИ В ГОЛОВУ? ЛЮДЕЙ УБИВАЮТ, НО ЭТО ИХ ЛИЧНОЕ ДЕЛО, ЗДЕСЬ Я НИ ПРИ ЧЕМ. Я ВСТУПАЮ В ИГРУ ТОЛЬКО ПОСЛЕ ТОГО, КАК ДАННОЕ СОБЫТИЕ СОВЕРШИТСЯ. МОЯ ОБЯЗАННОСТЬ – ЗАНИМАТЬСЯ ЧЕЛОВЕКОМ С МОМЕНТА УБИЙСТВА И ДАЛЬШЕ. В КОНЦЕ КОНЦОВ, ТЫ НЕ НАХОДИШЬ, ЧТО МИР, В КОТОРОМ ЛЮДЕЙ УБИВАЮТ И ОНИ ПОСЛЕ ЭТОГО НЕ УМИРАЮТ, ЗАСЛУЖИВАЕТ НАЗВАНИЯ ЧЕРТОВСКИ ГЛУПОГО МИРА?

– Пожалуй, да, но... – с сомнением произнес Мор.

Мор никогда в жизни не слышал слова «интригующее». Оно как-то не входило в запас слов, которыми его семья пользовалась регулярно. Но какая-то искорка в его душе разгоралась все ярче, словно говоря ему, что во всем этом есть что-то странное, манящее, пленительное, вовсе не ужасное и что если он упустит момент, то всю оставшуюся жизнь будет сожалеть об этом. Он вспомнил

унижения сегодняшнего дня и подумал о долгом тоскливом пути домой, если откажется...

– Я хотел спросить... – начал Мор. – Чтобы получить эту работу, мне ведь не обязательно умирать? Я правильно понял?

– МЕРТВОЕ СОСТОЯНИЕ НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО.

– И еще... кости... Как насчет этого?

– НЕТ. ЕСЛИ ТОЛЬКО ТЫ САМ НЕ ЗАХОЧЕШЬ.

Мор еще раз облегченно выдохнул. Эти вопросы серьезно его беспокоили, прямо-таки терзали.

– Ну что ж, если отец не станет возражать, я согласен, – сказал он.

Оба посмотрели на Лезека, сосредоточенно скребущего бороду.

– А что ты сам об этом думаешь, сынок? – спросил тот с хрупким энтузиазмом жертвы лихорадочного бреда. – Не всякий мечтает о подобном деле жизни. Признаюсь, у меня вовсе не это было на уме. Но среди людей профессия гробовщика пользуется почетом. Тебе выбирать.

– Гробовщика? – переспросил Мор.

Смерть кивнул и заговорщически прижал палец к губам.

– Это интересно, – медленно произнес Мор. – Мне кажется, я хотел бы попробовать себя в этом деле.

– Так где расположено твое предприятие? – вновь поинтересовался Лезек. – Это далеко?

– НАС ОТ НЕГО ОТДЕЛЯЕТ РАССТОЯНИЕ НЕ БОЛЬШЕ ТОЛЩИНЫ ТЕНИ. ГДЕ БЫЛА ПЕРВАЯ ПРИМИТИВНАЯ КЛЕТКА, ТАМ БЫЛ И Я. ГДЕ ЧЕЛОВЕК, ТАМ И Я. И ГДЕ ПОД

ОСТЫВАЮЩИМИ ЗВЕЗДАМИ БУДУТ КОПОШИТЬСЯ ПОСЛЕДНИЕ ЖИВЫЕ ОРГАНИЗМЫ, ТАМ БУДУ И Я.

- О! - восхитился Лезек. - Значит, твое дело охватывает порядочную территорию.

Он выглядел озадаченным - как человек, пытающийся припомнить нечто очень важное.

Смерть дружелюбно похлопал его по плечу и обратился к Морю:

- У ТЕБЯ ЕСТЬ КАКОЕ-НИБУДЬ ИМУЩЕСТВО, МАЛЬЧИК?

- Да, - сказал Мор и затем вспомнил: - Только, боюсь, я оставил свои вещи в магазине. Папа, мы забыли мешок у портного!

- Магазин закрыт, - нахмурился Лезек. - Магазины в День Всех Пустых не открываются. Тебе придется вернуться за вещами послезавтра - нет, теперь уже завтра.

- ЭТО НЕ СУЩЕСТВЕННО, - вмешался Смерть. - МЫ ОТПРАВИМСЯ В ПУТЬ ПРЯМО СЕЙЧАС. А Я НАВЕРНЯКА ВСКОРЕ ЗДЕСЬ ОБЪЯВЛЮСЬ.

- Надеюсь, ты как-нибудь наведишь нас, - обратился Лезек к сыну. У него был такой вид, как будто он борется с собственными мыслями.

- Не уверен, что это хорошая идея, - поморщился Мор.

- Ну что ж, тогда до свидания, сынок, - ответил Лезек. - Ты должен делать что тебе скажут, понятно? И прошу прощения, господин, у тебя есть сын?

Череп Смерти принял такой вид, словно вопрос застал его врасплох.

- НЕТ, - наконец ответил он. - У МЕНЯ НЕТ СЫНОВЕЙ.

- Если ты не возражаешь, я скажу сыну несколько слов на прощание.

– ТОГДА Я ПОЙДУ ВЗГЛЯНУ, ЧТО ТАМ С ЛОШАДЬЮ. – Смерть был явно не лишен такта.

Лезек обхватил сына за плечи (жест, давшийся ему не без труда, учитывая разницу в росте) и мягко подтолкнул к противоположной стороне площади.

– Мор, ты знаешь, что мысль отдать тебя в подмастерья подал мне твой дядя Хамеш? – прошептал он.

– Да. И что?

– Ну так вот, он рассказал кое-что еще, – доверительным тоном, словно по секрету, произнес старик. – Он сказал, что подмастерье нередко наследует бизнес своего хозяина. Ну, что ты на это скажешь?

– Э-э... Не уверен, – помотал головой Мор.

– Об этом стоит подумать, – заявил Лезек.

– Я уже думаю об этом, папа.

– Хамеш говорил, многие молодые люди начинают таким способом. Ученик во всем помогает, делается незаменимым, заслуживает доверие своего хозяина и... в общем, если в доме есть дочери... Господин, э-э, господин... ну, он упоминал что-нибудь о дочерях?

– Какой господин?

– Господин... твой новый хозяин.

– А, он. Нет. Нет, вряд ли у него есть дочери. Я вообще не думаю, что он относится к тому типу людей, которые женятся.

– Многие сообразительные юноши обязаны своим продвижением удачному браку.

– В самом деле?

– Мор, мне кажется, ты пропускаешь мои слова мимо ушей.

– Что?

Лезек остановился на покрытых инеем булыжниках и повернул Мора за плечи лицом к себе.

– Тебе надо обратить на это серьезное внимание, – произнес он. – Понимаешь, сынок? Если ты хочешь добиться чего-то в этой жизни, то должен научиться слушать. Это говорю тебе я, твой отец.

Мор, глядя сверху вниз, всмотрелся в лицо отца. Ему хотелось сказать многое: как сильно он любит его, как беспокоится за него. Хотелось спросить, что отец в действительности видел и слышал. Хотелось выказать обуревающие его чувства: как будто он наступил на холмик кротовой норы, а та неожиданно обернулась вулканом. Его интересовало, что такое «брак».

Вместо всего этого он лишь сказал:

– Да. Спасибо. Пожалуй, мне пора двигаться. Я постараюсь передать весточку.

– В деревню непременно завернет кто-нибудь, кто сможет прочесть нам твое письмо. До свидания, Мор. – Лезек высморкался.

– До свидания, папа. Я приеду в гости, – пообещал Мор.

Смерть тактично кашлянул – звук его кашля напоминал оглушительный треск внезапно переломившейся балки в каком-нибудь древнем здании. Жучок наконец подточил ее, и она рухнула, увлекая за собой все опоры и перекрытия, поднимая столбы пыли и создавая грохот, подобный камнепаду.

– ПОРА БЫ НАМ ОТПРАВЛЯТЬСЯ, – намекнул он. – ЗАБИРАЙСЯ НА ЛОШАДЬ, МОР.

Пока Мор карабкался, цепляясь за богато украшенное седло, Смерть перегнулся вниз и пожал руку Лезеку.

– СПАСИБО ТЕБЕ, – сказал он.

– По сути, он хороший парень, – заговорил Лезек. – Немного мечтательный, правда, но все мы когда-то были такими.

Смерть задумался над его высказыванием.

– НЕТ, – наконец произнес он. – НЕ ВСЕ.

Натянув поводья, он повернул лошадь на краестороннюю дорогу. Мор со своего насеста за облаченной в черное фигурой отчаянно махал рукой.

Лезек помахал в ответ. Затем, когда лошадь и два ее всадника скрылись из поля зрения, он опустил руку и посмотрел на нее. Рукопожатие... Оно оставило странное ощущение. Только он не мог сказать точно, в чем именно заключается эта странность.

Мор прислушивался к грохоту булыжника под лошадиными копытами. Когда они достигли дороги, грохот сменился тихим, глуховатым постукиванием по утрамбованной почве. Затем все звуки исчезли.

Он взглянул вниз. Под ним расстилалась панорама Диска. Контуры Плоского мира блестели, точно вырезанные резцом серебряного лунного света на гравюре ночи. Свались Мор сейчас с лошади, единственное, обо что бы он ударился, был бы воздух.

Он с удвоенной силой вцепился в седло.

Тут Смерть нарушил молчание:

– ТЫ ГОЛОДЕН, МАЛЬЧИК?

– Да, господин. – Слова исходили прямым из желудка Мора, минуя обычную при речевом общении инстанцию мозга.

Кивнув, Смерть натянул поводья. Лошадь замерла в воздухе. Под ними мерцал огнями гигантский круглый Диск. То там, то здесь виднелся город, окутанный оранжевым маревом; теплые моря ближе к Краю слегка фосфоресцировали. В течение дня свет Диска, медленный и слегка тяжеловатый, копился в низинах[1 - Скорость практически чего угодно выше скорости света Диска. Свет здесь в отличие от обычного света ленив и нелюбопытен, подобно сытому прирученному псу. Он не передвигается, а плетется. Согласно утверждению философа Лай Тинь Видля, известна только одна вещь,двигающаяся быстрее обычного света. Это монархия. Ход рассуждений Видля примерно таков: в каждый данный момент вы не можете иметь больше одного короля. Наряду с этим традиция требует, чтобы между королями не было промежутков. Следовательно, когда король умирает, престол должен перейти к наследнику мгновенно. Предположительно, рассуждает философ, должны существовать некие элементарные частицы – королионы или, возможно, королевионы, обеспечивающие непрерывность. Но, конечно, даже здесь иногда случаются проколы, и цепь прерывается. Это бывает, к примеру, тогда, когда королион с лету врезается в античастицу, или с республикой. Честолюбивые планы философа использовать свое открытие для посылки сообщений – включающие в себя осторожную, чтобы не повредить анатомию, пытку маленького короля с целью модулирования сигнала – так до сих пор и не стали достоянием общественности.]. Теперь он испарялся подобно серебристому пару.

Но его затмевало сияние, поднимающееся к звездам с самого Края. Из-под Диска били мощные потоки света. Сверкающие и переливающиеся реки струились в ночь, образуя окружающую мир цельную золотую стену.

– Как красиво... – как зачарованный вымолвил Мор. – Что это такое?

– СОЛНЦЕ ПОД ДИСКОМ, – пояснил Смерть.

– И это происходит каждую ночь?

– ДА. ТАК УСТРОЕНА ПРИРОДА.

– И что же, совсем никто об этом не знает? Никто этого не видит?

– Я ВИЖУ. ТЫ. БОГИ. КРАСИВО, ПРАВДА?

– Еще бы!

Смерть перегнулся через седло и окинул взором расстилающиеся под ним царства мира.

– НЕ ЗНАЮ, КАК ТЫ, – сказал он, – НО Я БЫ С УДОВОЛЬСТВИЕМ ПРИКОНЧИЛ ХОРОШУЮ ПОРЦИЮ КАРРИ.

Несмотря на то что уже порядком перевалило за полночь, двуединый Анк-Морпорк кипел жизнью. Прежде Овцекряжье казался Мору деловым, большим городом, но по сравнению с царящей здесь уличной суматохой там был просто морг.

Поэты не раз предпринимали попытки описать Анк-Морпорк, но все потуги окончились провалом. Возможно, виной этому послужило откровенное, чисто плотское жизнелюбие города. А может быть, дело просто в том, что город с миллионным населением и без единой канализационной трубы слишком уж бьет поэтов по нервам. Поэты ведь существа нежные, любящие, ясное дело, розы и нарциссы с соответствующими ароматами. Ароматов в Анк-Морпорке хватало, да только совсем других. Так что давайте ограничимся тем, что скажем: Анк-Морпорк полон жизни, как заплесневелый сыр в жаркий день; он громогласен, как проклятие в храме; ярк и блестящ, как пролившееся и играющее на солнце масло; многоцветен, как синяк, и кипит суетой, деловой активностью и всяческого рода бурной деятельностью, как муравейник сдохлым псом посередине.

В городе были храмы с растворенными настежь дверями. Оттуда доносились звуки гонгов, кимвалов и в случаях более консервативных фундаменталистских религий краткие вскрики жертв. Были магазинчики, выплевывавшие странный товар прямо на мостовую. Здесь ходило много дружелюбных молодых дам. Они, бедные, слонялись по улицам чуть ли не голышом – по-видимому, не могли себе позволить большого количества одежды. Освещаемые неровным светом уличных огней, выступали фокусники и жонглеры. Шмыгали продавцы, предлагали разнообразнейшие варианты веществ, способствующих мгновенному просветлению (или, наоборот, затемнению – по желанию клиента).

И сквозь эту толкотню, шум и гам с величавым спокойствием шествовал Смерть. Где-то в глубине души Мор ожидал, что тот будет просачиваться сквозь толпу

словно дым. Но это выглядело совсем не так. Простая истина заключалась в том, что, куда бы Смерть ни направлял свои стопы, людей словно сметало, отодвигало в сторону.

У Мора дела обстояли совершенно иначе. Толпа мягко расступалась перед его новым хозяином, но тут же смыкалась – как раз вовремя, чтобы перегородить дорогу самому Мору. Пальцы на его ногах были жестоко оттоптаны, ребра саднило от столкновений. Торговцы то и дело пытались всучить ему неприятно пахнущие специи и овощи, искусственная форма которых порождала нездоровые ассоциации. А довольно пожилая леди заявила, что Мор выглядит молодым человеком, твердо стоящим на ногах, и приятное времяпрепровождение – единственное, чего ему сейчас не хватает.

В ответ он выразил горячую благодарность и надежду, что уже прямо сейчас приятно проводит время.

Смерть дошел до угла улицы. По отполированному куполу его черепа плясали отбрасываемые уличными светильниками яркие блики. Он втянул воздух, принюхиваясь. Валяющийся на земле пьяница поднялся и, спотыкаясь на каждом шагу, бесцельно двинулся вперед. Но вдруг без всяких видимых причин, повинувшись лишь непонятному импульсу, он резко свернул в сторону, обходя пустое место.

– ТЕПЕРЬ ТЫ ВИДЕЛ ГОРОД, МАЛЬЧИК, – сказал Смерть. – И КАК ОН ТЕБЕ?

– Очень большой, – не зная, с чего начать и как выразить свои впечатления, неуверенно протянул Мор. – Я имею в виду, здесь же яблоку негде упасть. Неужели людям нравится жить спрессованными на одном пяточке?

– МНЕ НРАВИТСЯ ГОРОД, – пожал плечами Смерть. – ОН ПОЛОН ЖИЗНИ.

– Господин?

– ДА?

– Что такое «карри»?

В глубинах глазниц Смерти ярко пылало голубое пламя.

- ТЕБЕ КОГДА-НИБУДЬ ПРИХОДИЛОСЬ ОТКУСЫВАТЬ ОТ РАСКАЛЕННОГО ДОКРАСНА ЛЕДЯНОГО КУБА?

- Нет, господин, - ответил Мор.

- КАРРИ - ЭТО ЧТО-ТО ВРОДЕ ЭТОГО.

- Господин?

- ДА?

Мор натужно сглотнул.

- Прости меня, господин, но мой отец говорил, что если я чего не пойму, то надо задавать вопросы, господин...

- ЭТО ОЧЕНЬ ПОХВАЛЬНО, - произнес Смерть.

Он свернул в переулок и устремился вперед. Снующая толпа, иллюстрирующая броуновское движение молекул, по-прежнему безропотно расступалась перед ним.

- Ну, в общем, господин, я не мог не заметить... дело в том... того простого факта, что...

- КОНЧАЙ ХОДИТЬ ВОКРУГ ДА ОКОЛО, МАЛЬЧИК.

- Разве ты можешь есть, господин?

Смерть так резко замедлил шаг, что Мор натолкнулся на него. Когда же мальчик попытался снова заговорить, Смерть замахал руками, призывая его к молчанию. Он, казалось, к чему-то прислушивался.

- ЗНАЕШЬ, БЫВАЮТ МОМЕНТЫ, - сказал он, - КОГДА Я ЧУВСТВУЮ СЕБЯ ПО-НАСТОЯЩЕМУ РАССТРОЕННЫМ.

Смерть резко повернулся на каблуках и свернул в боковую улочку. Он шел очень быстро, черное одеяние, подобно крыльям, развевалось у него за спиной. Улочка петляла, стиснутая темными стенами и спящими зданиями. Она напоминала не столько путь сообщения, сколько длинную извилистую щель.

Смерть летел, словно за ним гнались, и затормозил только у замшелой, разваливающейся от дряхлости бочки с водой. По самое плечо погрузив туда руку, он выудил небольшой мешочек с привязанным к нему кирпичом. Извлек из ножен меч. Секундный проблеск голубого пламени во мраке - и шнурок, завязывавший мешочек, оказался перерезанным.

- Я РАССЕРДИЛСЯ ПО-НАСТОЯЩЕМУ, - сообщил Смерть.

Он перевернул мешок, и Мор увидел, как оттуда выскользнули жалкие комочки насквозь промокшего меха. Теперь они лежали на булыжниках, лужа воды вокруг них все расширялась. Белые пальцы Смерти нежно погладили их.

Через какое-то время нечто напоминающее серый дымок за клубилось над утонувшими котятками и приняло форму трех облачков котообразной формы. Помаргивая, облачка смотрели на Мора озадаченными серыми глазами. Когда же он попытался дотронуться до одного из них, то рука прошла прямо сквозь призрачного котенка и раздался легкий звон.

- ЛЮДИ ВЫПОЛНЯЮТ ЭТУ РАБОТУ НЕ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ, - заявил Смерть.

Он легонько подул на котенка, отчего животное потеряло равновесие (если в данной ситуации можно говорить о каком-то равновесии) и закачалось в воздухе. Жалобное «мяу» прозвучало так, словно его источник находился очень далеко и звуку пришлось проделать долгий путь сквозь жестяную трубу.

- Это души, да? - спросил Мор. - А как выглядят души людей?

- ОНИ ИМЕЮТ ФОРМУ ЛЮДЕЙ, - объяснил Смерть. - ЭТО ЗАВИСИТ ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ ОТ ХАРАКТЕРИСТИК МОРФОГЕНЕТИЧЕСКОГО ПОЛЯ.

Он вздохнул, и вздох этот напомнил шелест савана. Взял плавающих в воздухе котят, осторожно спрятал их в одном из темных тайников своего одеяния и встал.

– ВРЕМЯ ДЛЯ КАРРИ, – произнес он.

Сады Карри, расположенные на углу улицы Богов и Кровавой аллеи, были запружены народом. Правда, здесь вращались исключительно сливки общества – во всяком случае, те его компоненты, которые всплывают на поверхность и которые благоразумнее называть сливками. Пространство между столами было усажено кустарником. Своим ароматом ему почти удавалось перекрывать основной, превалирующий над всеми остальными запах самого города, первозданную мощь которого можно было бы сравнить лишь с обонятельным эквивалентом корабельной сирены.

Мор ел с волчьим аппетитом, обуздав свое любопытство, и не предпринимал попыток проследить, каким образом Смерть может что-нибудь съесть. Так или иначе, вначале еда была, а потом ее не стало. Так что, предположительно, между этими двумя фазами что-то должно было произойти. У Мора возникло впечатление, что Смерть не очень-то привык к вниманию и чувствует себя не совсем в своей тарелке. Он напоминал престарелого дядюшку-холостяка, которому сплывали на выходные племянника и который страшно боится допустить какую-нибудь промашку.

Прочие посетители не обращали на Смерть особого внимания. Не проявили они интереса и тогда, когда Смерть, откинувшись на спинку кресла, раскурил изящную трубку. Не так-то легко игнорировать личность, у которой из глазниц валит дым. Тем не менее все без исключения успешно справились с этой задачей.

– Это магия? – спросил Мор.

– А КАК ТЫ СЧИТАЕШЬ, МАЛЬЧИК? Я ЗДЕСЬ ИЛИ МЕНЯ ЗДЕСЬ НЕТ?

– Ты здесь, – задумчиво произнес Мор. – Я... Я наблюдал за людьми. Они смотрят на тебя, но мне кажется, что они тебя не видят. Ты что-то делаешь с их мозгами.

– ОНИ САМИ ДЕЛАЮТ ЭТО С СОБОЙ, – покачал головой Смерть. – ЛЮДИ НЕ МОГУТ ВИДЕТЬ МЕНЯ, ОНИ ПРОСТО-НАПРОСТО НЕ ПОЗВОЛЯЮТ СЕБЕ ЭТОГО. ДО ТЕХ ПОР, ПОКА НЕ ПРОБЬЕТ ИХ ЧАС, РАЗУМЕЕТСЯ. ВОЛШЕБНИКИ МОГУТ ВИДЕТЬ МЕНЯ И ЕЩЕ КОШКИ. НО ОБЫЧНОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО... НЕТ, НИКОГДА. – Он выдул вверх колечко дыма. – СТРАННО, НО ФАКТ.

Мор наблюдал за колечком, как оно, колышась, уплывает все дальше и дальше в вечернее небо, медленно смещаясь в сторону реки.

– Но я-то тебя вижу, – заявил он.

– ТЫ – ДРУГОЕ ДЕЛО.

Официант-клатчец приблизился со счетом в руке и положил его на стол перед Смертью. Человек был приземистым и смуглым, с прической в стиле «кокосовый орех в стадии превращения в сверхновую звезду». Когда Смерть вежливо кивнул, складки на круглом лице клатчца непроизвольно сложились в озадаченную гримасу. Он затряс головой, словно пытался вытрясти мыло из ушей, и удалился.

Из глубин одеяния Смерть достал большой кожаный мешок, полный медных монет самого разного вида, размера и достоинства, по большей части посиневших и позеленевших от древности. Сосредоточенно изучив счет, он отсчитал дюжину монет.

– ПОШЛИ, – поднялся он. – НАМ ПОРА.

Ступая стремительно и в то же время величаво, Смерть вышел из сада на улицу. Едва поспевая, Мор рысью последовал за ним. На улице по-прежнему царила довольно оживленная атмосфера, невзирая на первые забрезжившие на горизонте признаки рассвета.

– А чем мы займемся сейчас?

– КУПИМ ТЕБЕ КОЕ-КАКУЮ НОВУЮ ОДЕЖДУ.

– Ту, которая на мне, мы купили сегодня... я хочу сказать – вчера. Она новая.

– В САМОМ ДЕЛЕ?

– Отец сказал, что эта лавка славится дешевой и очень ноской одеждой, – произнес Мор на бегу, стараясь не отставать.

– ЭТО ДОПОЛНЯЕТ ОБРАЗ НИЩЕТЫ ЕЩЕ ОДНИМ КОШМАРОМ.

Они свернули на широкую улицу, ведущую в более респектабельную часть города (факелы здесь попадались чаще, а напоминающие многовековые наслоения кучи отбросов – реже). Здесь отсутствовали уличные лотки и торговцы не продавали товар на каждом углу. Лавки представляли собой приличные здания с наружными вывесками. Это были не простые лавки, в этих торговых империях можно было найти все – от провизии, громогласно рекламируемой оптовыми поставщиками, до стульев и плевательниц. Большая часть была открыта даже в этот ночной час, поскольку среднестатистический анкский торговец не уснет, если знает, что за это время можно сделать еще немного денег.

– Здесь что, никогда не спят? – удивился Мор.

– ЭТО ГОРОД, – ответил Смерть и толчком открыл дверь одной из лавок, торгующей одеждой.

Они вышли оттуда двадцать минут спустя. Мор красовался в идеально подогнанном черном костюме, ворот и обшлага которого украшала тонкая вышивка серебром. Тем временем приказчик ошеломленно пялился на горсть древних медных монет у себя в руке и гадал, как это его угораздило их заиметь.

– Где ты берешь эти монеты? – поинтересовался Мор.

– У УМЕРШИХ.

В открытой всю ночь цирюльне Мора подстригли по последней среди аристократической молодежи моде. Во время стрижки Смерть сидел расслабившись в соседнем кресле и тихонько мурлыкал себе под нос. К своему удивлению, он ощутил добродушное желание подшутить.

И через некоторое время он это желание осуществил. Смерть бросил взгляд на ученика брадобрея. Лицо юноши мгновенно приняло загипнотизированное выражение. Мор уже научился распознавать такие лица. Ученик обернул полотенце вокруг шеи Смерти, а тот велел:

- ПОБРЫЗГАЙ ТУАЛЕТНОЙ ВОДОЙ, ЛЮБЕЗНЫЙ, И ОТПОЛИРУЙ.

Сидящий в кресле у противоположной стены престарелый волшебник, которому как раз в этот момент подравнивали бороду, похолодел и замер, распознав мрачные свинцовые нотки. Смерть повернулся – для максимального эффекта очень медленно – и одарил волшебника характерно широкой, пленительной улыбкой. Волшебник побелел как мел, забормотал заклинания типа «чур меня!» и резко отвернулся в крутящемся кресле.

Несколько минут спустя, чувствуя себя немного не в своей тарелке и ощущая непривычную прохладу за ушами, Мор направлялся в сторону конюшни, в которой Смерть расположил на ночлег свою лошадь. Ради эксперимента Мор попробовал пройтись с важным видом. Ему казалось, что новый костюм и модная стрижка этого требуют. Получилось не очень.

Мор проснулся.

Он лежал, глядя на потолок. Тем временем память производила «ускоренную обратную перемотку» событий вчерашнего дня, которые выкристаллизовывались в его мозгу подобно крошечным ледяным кубикам.

Не может быть, чтобы он познакомился со Смертью. Не может быть, чтобы он обедал со скелетом, из глаз которого бьет голубой огонь. Наверное, ему просто привиделся странный сон. Он не мог ехать в качестве багажа в седле огромной белой лошади, которая галопом ускакала в небо, а затем прибыла...

...Куда?

Ответ просочился в мозг с неотвратимостью требования об уплате налогов.

Сюда.

Пытаясь восстановить связь с действительностью, Мор провел руками по подстриженным волосам, по простыням из какого-то гладкого и скользкого материала. Этот материал был гораздо тоньше и мягче, чем шерсть, к которой он привык у себя дома. Шерсть всегда была грубой и пахла овцами, а эти простыни напоминали теплый и сухой лед.

Он торопливо уселся на постели, свесив ноги на пол, и начал пристально оглядывать комнату.

Комната оказалась большой, больше, чем весь дом, в котором жила его семья. А еще она была сухой, точно старые гробницы в древних пустынях. Воздух создавал ощущение почти вкусовое, как будто его несколько часов запекали, а затем дали остыть. Ноги тонули в пушистом ковре, толщина которого спокойно спрятала бы целое племя пигмеев. Мор прошелся по ковру, исследуя обстановку комнаты. Шаги сопровождались громким электрическим треском. Вся обстановка была выдержана в пурпурных и черных тонах.

Мор оглядел собственное тело, облаченное в длинную белую ночную сорочку. Верхнюю одежду кто-то аккуратно сложил на изящном резном стуле, стоящем в изголовье кровати. И Мор не мог не заметить, что основным мотивом резьбы служили черепа и кости.

Усевшись на край кровати, Мор начал одеваться. Его мысли бешено неслись, причем во всех направлениях сразу.

Одевшись, он с легкостью открыл тяжелую дубовую дверь, испытав странное разочарование, когда она не издала зловещего скрипа.

За дверью открывался пустой, облицованный деревом коридор. В подсвечниках, закрепленных на противоположной от двери стене, стояли большие желтые свечи. Мор выскользнул в коридор и бочком двинулся вдоль стены, пока не достиг лестничного пролета. Он успешно преодолел его, причем процесс преодоления не прерывался никакими явлениями призрачного характера. В итоге он прибыл в помещение, напоминавшее прихожую с большим количеством дверей. Там была масса похоронных драпировок и большие «дедушкины» часы, чье тиканье напоминало сердцебиение гор. Рядом с часами стоял зонтик.

А еще там была коса.

Мор прошелся взглядом по дверям. Выглядели они внушительно. Резьба притолок была выполнена в знакомом костяном стиле. Он хотел было открыть ближайшую из дверей и уже приблизился к ней, когда голос у него за спиной произнес:

– Тебе туда нельзя, мальчик.

Мор не сразу сообразил, что голос прозвучал отнюдь не в голове; это были реальные человеческие слова, образованные ртом и переданные в его уши удобной и созданной самой природой системой сотрясения воздуха. Природа взяла на себя массу хлопот – и все ради четырех слов, окрашенных легким раздражением.

Он оглянулся на звук. Перед ним стояла девушка примерно его роста и, пожалуй, на несколько лет старше, серебряноволосая и с перламутровыми глазами. Она была одета в изысканное, но непрактично длинное платье того типа, которое обычно носят трагические героини – те самые, которые прижимают к груди одинокую розу, впериваясь прочувствованным взглядом в луну. Морю никогда не приходилось слышать слово «прерафаэлиты» – а жаль, потому что девушка была именно «прерафаэлитского» типа. Во всех подобных ей девушках есть что-то просвечивающее и чахоточное, но вид данной представительницы наводил на мысль о большом количестве жадно поедаемых шоколадок.

Она пристально рассматривала Мора, склонив голову набок и раздраженно постукивая ногой по полу. Вдруг, сделав одно молниеносное движение, она больно ущипнула его за руку.

– Ой!

– Хм-м. Так ты в самом деле настоящий, – произнесла она. – А как тебя зовут, мальчик?

– Мортимер. Но вообще меня зовут Мор, – ответил он, потирая локоть. – Зачем ты это сделала?

– Я буду звать тебя мальчиком, – последовал высокомерный ответ. – И как понимаешь, я совершенно не обязана объяснять свои поступки. Но если уж тебе приспичило знать, то, так и быть, скажу: я думала, что ты мертвый. Ты выглядишь мертвым.

Мор не нашелся что возразить.

– Что, язык проглотил?

На самом деле Мор в это время считал до десяти.

– Я не мертвый, – в конце концов сказал он. – По крайней мере, мне так кажется. А ты кто?

– Можешь называть меня госпожой Изабель, – надменно промолвила она. – Отец сообщил, что тебя надо накормить. Следуй за мной.

Она стремительно направилась к одной из дверей. Мор тащился за ней, соблюдая как раз ту дистанцию, которая была необходима, чтобы дать распахиваемой двери возможность треснуть его по другому локтю.

За дверью оказалась кухня – длинная и теплая, с низким потолком. С потолка свисали медные кастрюли и сковородки. Одну из длинных стен целиком занимала огромная чугунная печь. Перед ней стоял старик, поджаривая яичницу с беконом и насвистывая.

Запах привлек внимание вкусовых сосочков Мора. В запахе этом содержался намек, что если они (сосочки) вступят в близкое соприкосновение с его источником, то получают истинное удовольствие. Мор обнаружил, что двигается вперед, даже не потрудившись обсудить этот вопрос со своими ногами.

– Альберт, – слова Изабель звучали, как щелканье бича, – еще один явился за завтраком.

Не произнося ни слова в ответ, мужчина медленно повернул голову и кивнул. Изабель вновь переключилась на Мора.

– Должна сказать, – съязвила она, – учитывая, что выбирать можно было из всего населения Плоского мира, отец мог найти кого-нибудь получше тебя. Тебе придется из кожи вон лезть, чтобы справиться со своими обязанностями.

Засим она стремительно покинула кухню, оглушительно хлопнув дверью.

– С какими такими обязанностями? – пробормотал Мор, ни к кому конкретно не обращаясь.

В помещении царила тишина, нарушаемая лишь шипением масла на сковороде и звуками рассыпающихся углей в расплавленном сердце печи. Мор обратил внимание на выбитые на дверце для топлива слова: «Маленький Молох (Части, комп. с неогранич. ответств.)».

Повар, кажется, не замечал его, так что Мор взял стул и уселся за белый выскобленный стол.

– Грибы? – осведомился старик, не оборачиваясь.

– Хм-м? Что?

– Я сказал, грибов хочешь?

– А-а. Извини. Нет, спасибо, – ответил Мор.

– И правильно, молодой господин.

Повар оторвался от печи и направился к столу.

Даже значительно позднее, когда Мор уже пообвыкся на новом месте, при виде шагающего Альберта у него неизменно перехватывало дыхание. Слуга Смерти относился к разряду худых как палка красноносых стариков, у которых постоянно такой вид, словно они носят перчатки с обрезанными пальцами, – причем это впечатление сохраняется и в тех случаях, когда никаких перчаток нет, – а его перемещения сопровождалась сложной последовательностью телодвижений. Альберт наклонился вперед и принялся раскачивать левой рукой – сначала медленно, но постепенно размах и частота увеличивались, пока не

перешли в дергающиеся взмахи. И наконец совершенно внезапно и приблизительно в тот момент, когда наблюдатель мог смело ожидать окончательного отрыва руки от плеча, волна движений распространилась по всему телу Альберта к его ногам. Очевидно, при этом создавался мощный импульс. Альберта толкнуло вперед, как на скоростных ходулях. Сквородка повторяла весь этот сложный рисунок, следуя по изогнутой воздушной траектории, пока не замерла прямо над тарелкой Мора.

Альберт носил как раз тот тип очков (разделенных напополам полулунной линией), который создает особые удобства для смотрения на собеседника поверх линз.

– А закончить можно овсянкой, – проговорил Альберт и подмигнул. Подмигивание, очевидно, служило знаком включения Мора в некий всемирный овсяночный заговор.

– Прости, – произнес Мор, – а не мог бы ты точно сказать, куда я попал?

– Ты разве не знаешь? Это дом Смерти, парень. Он привел тебя сюда вчера вечером.

– Да... вроде как припоминаю. Только...

– Хм-м?

– Ну... Бекон и яичница... – туманно продолжал Мор. – Эти вещи, как бы это сказать, кажутся здесь не вполне уместными.

– У меня где-то завалялись несколько черных пудингов, – успокоил его Альберт.

– Нет, я имею в виду... – Мор поколебался. – Я просто хочу сказать, что не могу представить себе его за парой ломтиков ветчины и глазуньей.

Альберт усмехнулся:

– А, ты об этом. Конечно, парень, он не ест. То есть, как правило, не ест. В отношении провизии с ним очень легко, с нашим хозяином. Я готовлю только для

себя и... – он сделал паузу, – для молодой госпожи, разумеется.

Мор кивнул:

– Для твоей дочери.

– Моей? Ха! – хмыкнул Альберт. – Здесь ты заблуждаешься. Это его дочь.

Мор уставился в ясные очи глазуни. Та, в свою очередь, уставилась на него из своего озера жира. Альберт слышал о питательной ценности продуктов и прочих диетических делах, но новомодных теорий не придерживался.

– А мы говорим об одном и том же человеке? – осмелился наконец произнести Мор. – Такой высокий, одет во все черное. Он еще несколько... как бы это сказать... костляв...

– Он ее удочерил, – добродушно объяснил Альберт. – Это довольно длинная история...

Тут громко зазвонил колокольчик, свисающий с потолка на шнурке прямо у слуги над головой.

– ...С которой придется обождать. Он хочет видеть тебя в своем кабинете. Я бы на твоём месте кинулся туда со всех ног. Он не любит, когда его заставляют ждать, и это можно понять. Вверх по лестнице, первый поворот налево. Ты его вряд ли пропустишь...

– Там еще дверь в черепах и костях? – спросил Мор, проворно вставая и задвигая стул на место.

– Здесь все двери в черепах и костях, по крайней мере большая их часть, – вздохнул Альберт. – Это его прихоть. Вряд ли он хочет что-то сказать этим...

Оставив завтрак остывать и застывать, Мор заторопился наверх, миновал лестницу, пробежал по коридору и остановился перед первой дверью. Поднял руку, чтобы постучать.

– ВХОДИ.

Ручка двери самостоятельно повернулась. Дверь распахнулась внутрь.

Смерть сидел, расположившись за письменным столом. Он пристально вглядывался в страницы гигантской книги в кожаном переплете, занимавшей чуть ли не весь стол. Когда Мор вошел, Смерть оторвался от чтения, поднял взгляд, удерживая известково-белый палец на нужной строке, и улыбнулся. Во всяком случае, выражение его лица не предполагало множественности толкований.

– А, – произнес он. Затем последовала пауза. Смерть поскреб подбородок со звуком, который издает длинный ноготь, если им проводят по расческе. – ТЫ КТО, МАЛЬЧИК?

– Мор, господин, – ответил Мор. – Твой ученик. Помнишь?

Некоторое время Смерть не отрываясь смотрел на него. Затем синие булабочные головки его глаз вновь обратились к книге.

– АХ ДА, МОР. НУ ЧТО Ж, МАЛЬЧИК, ТЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ИСКРЕННЕ ЖЕЛАЕШЬ УЗНАТЬ САМЫЕ СОКРОВЕННЫЕ ТАЙНЫ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА?

– Да, господин. Думаю, что так, господин.

– ХОРОШО. КОНЮШНИ СРАЗУ ЗА ДОМОМ. ЛОПАТА ВИСИТ ЗА ДВЕРЬЮ, КАК ВОЙДЕШЬ.

Он посмотрел на книгу. Перевел взгляд на Мора. Тот не двинулся с места.

– СУЩЕСТВУЕТ ЛИ НЕКАЯ ВЕРОЯТНОСТЬ ТОГО, ЧТО ТЫ НЕ ПОНЯЛ МЕНЯ?

– Да, господин.

– УДОБРЕНИЕ, МАЛЬЧИК. НАВОЗ. У АЛЬБЕРТА В САДУ ЕСТЬ ЯМА ДЛЯ КОМПОСТА. ПОЛАГАЮ, ГДЕ-ТО ТАМ ИМЕЕТСЯ ТАЧКА. ТАК ЧТО ЗАЙМИСЬ ДЕЛОМ.

Мор скорбно кивнул:

– Да, господин. Понимаю, господин. Господин?

– ДА?

– Господин, я только не понял, какое это имеет отношение к сокровенным тайнам времени и пространства.

Смерть не отрываясь изучал книгу.

– ПОЭТОМУ ТЫ ЗДЕСЬ. ЧТОБЫ УЧИТЬСЯ.

Хотя Смерть Плоского мира является, выражаясь его собственными словами, антропоморфной персонификацией, он давным-давно прекратил пользоваться традиционными конями-скелетами. Ему надоели хлопоты: приходилось без конца останавливаться, чтобы прикручивать проволокой отвалившиеся в процессе езды детали. Теперь его лошади неизменно являлись состоящими из плоти и крови животными, причем самых лучших пород.

И, как вскоре узнал Мор, кормили их от пуза.

Некоторые виды работ указывают на то, что человек продвигается вверх по служебной лестнице. Домашняя работа указывала – как бы помягче выразиться? – на нечто прямо противоположное. Но свои преимущества были и у нее: по крайней мере, работаешь в тепле, а технологический процесс не отличается сложностью и потому вполне доступен для понимания. Через некоторое время Мор вошел в ритм и начал играть внутри себя в ту игру с измерением количества выполненной работы, в которую в подобных обстоятельствах играет всякий. «Значит, так, – думал он, – я сделал почти четверть, назовем ее третью. Так что когда я покончу с углом, что возле кормушки с сеном, это будет больше половины, назовем ее пять восьмых, что означает еще три полные тачки...» Одним словом, с захватывающим дух великолепием Вселенной гораздо легче иметь дело, если представляешь его как серию маленьких кусочков.

Лошадь наблюдала за Мором из своего стойла, время от времени пытаясь дружелюбно куснуть его за ухо.

Вскоре он почувствовал, что за ним наблюдает кто-то еще. То была Изабель. Она прислонилась к полуоткрытой двери, положив подбородок на руки.

- Ты что, слуга? - спросила она.

- Нет, - Мор выпрямился. - Я подмастерье.

- Это глупо. Альберт сказал, не может быть, чтобы ты был подмастерьем.

Мор сосредоточился на закидывании полной лопаты навоза в тачку. «Еще две лопаты, назовем их тремя, только хорошо спрессованными, и это означает четыре тачки, так и быть, пусть будет пять, прежде чем я дойду до середины...»

- Он говорит, - теперь голос Изабель звучал громче, - что подмастерья становятся хозяевами, а двух Смертей не бывает. Так что ты просто слуга и должен делать, что я тебе говорю.

«...Еще восемь тачек будут означать, что я дойду до самой двери, что составляет почти две трети всей работы, что означает...»

- Слышал, что я сказала, мальчик?

Мор кивнул. «И затем останется еще четырнадцать тачек, только придется назвать их пятнадцатью, потому что я плохо вычистил в углу, и...»

- Ты язык проглотил?

- Мор, - с кроткой отрешенностью произнес Мор.

Она разъяренно посмотрела на него:

- Что?

– Меня зовут Мор, – продолжал Мор. – Или Мортимер. Люди по большей части называют меня Мором. Ты хотела о чем-то со мной поговорить?

Какое-то мгновение она не находила слов. Вне себя от ярости, Изабель переводила взгляд с его лица на лопату и обратно.

– Мне сказали заняться этим, вот и все, – объяснил Мор.

– Почему ты здесь? – взорвалась она. – Зачем отец привел тебя сюда?

– Он нанял меня на ярмарке работников, – последовал ответ. – Всех ребят наняли. И меня тоже.

– И ты хотел, чтобы тебя наняли? – выпалила Изабель, словно змея метнула раздвоенный язык. – Он ведь Смерть, к твоему сведению. Мрачный Жнец. Важная персона. Он не кто-то, кем становятся. Он – тот, кем являются.

Мор сделал неопределенный жест в сторону тачки.

– Надеюсь, все обернется к лучшему, – произнес он. – Мой отец всегда говорит, что по большей части все оборачивается к лучшему.

Взяв лопату, он отвернулся, намереваясь вновь приняться за работу, и улыбнулся в спину лошади, услышав, как Изабель фыркнула и зашагала прочь.

Мор равномерно работал, преодолевая свои шестнадцатые и восьмые, четверти и трети, перекатывая тачку через двор и вываливая ее содержимое в растущую кучу под яблоней.

Сад Смерти был большим, аккуратным и ухоженным. И еще он был очень, очень черным. Трава была черной. Цветы были черными. Глянцевитыми боками поблескивали черные яблоки среди черной листвы черной яблони. Даже воздух выглядел каким-то чернильным.

По прошествии некоторого времени Морю стало казаться, что он различает – нет, даже в голове не укладывается, как это можно различать, – разные оттенки черного.

То есть это были не просто темные тона красного, зеленого и прочих цветов. Это были различные оттенки черного, все разные и в то же время – никуда от этого не денешься – черные. Он опрокинул под яблоню последнюю порцию, убрал на место тачку и вернулся в дом.

– ВХОДИ.

Смерть стоял за чем-то вроде аналоя, погруженный в изучение географической карты. Он посмотрел на Мора так, будто частично находился не здесь, а в каком-то другом месте.

– ТЫ СЛУЧАЙНО НЕ СЛЫШАЛ О ЗАЛИВЕ МЭЙНТ? – донесся из неведомых далей его голос.

– Нет, господин.

– ТАМ СЛАВНОЕ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ.

– Было?

– БУДЕТ. ЕСЛИ Я СУМЕЮ РАЗЫСКАТЬ ЭТО ЧЕРТОВО МЕСТО.

Мор зашел за аналой и всмотрелся в карту.

– Ты намерен потопить корабль? – уточнил он.

На лице Смерти отразился ужас.

– РАЗУМЕЕТСЯ, НЕТ. БУДЕТ ИМЕТЬ МЕСТО СОЧЕТАНИЕ НЕУМЕЛОГО УПРАВЛЕНИЯ КОРАБЛЕМ, НИЗКОГО УРОВНЯ ВОДЫ И ПРОТИВНОГО ВЕТРА.

– Ужасно, – едва смог выговорить подавленный Мор. – И что, многие утонут?

– ВСЕ ЗАВИСИТ ОТ СУДЬБЫ, – ответил Смерть, поворачиваясь к расположенной за спиной этажерке и снимая тяжелый географический справочник. – Я НИЧЕГО НЕ В СИЛАХ ПОДЕЛАТЬ. А ЧТО ЭТО ЗА ЗАПАХ?

- Это от меня, - признался Мор.

- А, КОНЮШНЯ. - Смерть сделал паузу, его рука замерла на корешке книги. - И КАК ТЫ СЧИТАЕШЬ, ПОЧЕМУ Я НАПРАВИЛ ТЕБЯ В КОНЮШНЮ? ПОДУМАЙ ХОРОШЕНЬКО.

Мор колебался. Он думал на эту тему, думал очень серьезно - в промежутках между подсчетами количества тачек. Он гадал: не было ли задание предназначено для того, чтобы развить скоординированную работу рук и глаз? Или приучить к повиновению? Внушить ему важность - в человеческом масштабе - небольших задач? Заставить осознать, что даже великие люди должны начинать с самого дна?

- Я думаю... - начал он.

- ДА?

- Ну, я думаю, ты сделал это потому, что конюшня была по колени в лошадином навозе. Если уж говорить начистоту.

Смерть долго, не отрываясь, смотрел на него. Мор неловко переминался с ноги на ногу.

- АБСОЛЮТНО ВЕРНЫЙ ОТВЕТ, - слова Смерти звучали отрывисто. - ЯСНОСТЬ МЫСЛИ. РЕАЛИСТИЧНЫЙ ПОДХОД. ЧТО ОЧЕНЬ ВАЖНО ДЛЯ РАБОТЫ, ПОДОБНОЙ НАШЕЙ.

- Да, господин. Господин?

- ГМ-М? - Смерть маялся с именовым указателем, пытаясь найти нужное название.

- Люди умирают все время, господин. Миллионами. У тебя не должно быть ни минуты свободной. Но...

Смерть бросил на Мора взгляд, который мальчик уже начал узнавать. Изумление в чистом виде быстро переходило в раздражение, как будто он смотрел на досадливую муху. Затем раздражение сменялось гримасой внутреннего усилия, сопровождающей признание печального факта непроходимой тупости подручного. И, наконец, наступала фаза туманного, относящегося не только к Мору, но и ко всему несовершенному миру долготерпения.

– НО?

– Я считал, что ты, так сказать, немного больше занят делом. Ну, ты понимаешь... Ты бродишь по улицам. В альманахе моей бабушки есть картинка. Ты там изображен с косой и все такое.

– А, ПОНЯТНО. БОЮСЬ, МНЕ БУДЕТ ТРУДНО ОБЪЯСНИТЬ ТЕБЕ, ЕСЛИ ТОЛЬКО ТЫ НЕ ЗНАКОМ С ТАКИМИ ВЕЩАМИ, КАК НАПРАВЛЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ И ФОКУСИРОВКА ОРБИТ, ПО КОТОРЫМ ДВИЖУТСЯ ТЕЛА.

– Думаю, я не знаком с ними.

– КАК ПРАВИЛО, МОЕ НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ПОЯВЛЕНИЕ ОЖИДАЕТСЯ ТОЛЬКО В ОСОБЫХ СЛУЧАЯХ.

– Вроде таких, когда умирает король, я полагаю, – догадался Мор. – Я хочу сказать, король... он ведь всегда правит, даже когда занят чем-то другим. Даже во сне.

– ДОВОЛЬНО ОБ ЭТОМ. – Смерть скатал карты. – А СЕЙЧАС, МАЛЬЧИК, ЕСЛИ ТЫ ЗАКОНЧИЛ С КОНЮШНЕЙ, МОЖЕШЬ ОТПРАВИТЬСЯ К АЛЬБЕРТУ И УЗНАТЬ, НЕТ ЛИ У НЕГО ДЛЯ ТЕБЯ КАКОЙ-НИБУДЬ РАБОТЫ. А ПОТОМ, ЕСЛИ ЗАХОЧЕШЬ, СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ МОЖЕШЬ ОТПРАВИТЬСЯ СО МНОЙ В ОБХОД.

Мор кивнул. Смерть вернулся к гигантскому тому в кожаном переплете. Он взял ручку, некоторое время взирал на нее, а затем, склонив череп набок, вновь посмотрел на Мора.

– ТЫ УЖЕ ВСТРЕЧАЛСЯ С МОЕЙ ДОЧЕРЬЮ? – поинтересовался он.

- Э-э... Да, господин. - Мор уже взялся за дверную ручку.

- ОЧЕНЬ ВОСПИТАННАЯ И МИЛАЯ ДЕВУШКА, - продолжал Смерть. - НО МНЕ КАЖЕТСЯ, ОНА ОЧЕНЬ НУЖДАЕТСЯ В КОМПАНИИ СВОЕГО ВОЗРАСТА. ЧТОБЫ БЫЛО С КЕМ ПОГОВОРИТЬ.

- Господин?

- И, РАЗУМЕЕТСЯ, В ОДИН ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ ВСЕ ЭТО ПЕРЕЙДЕТ К НЕЙ.

На мгновение в космических безднах его глазниц вспыхнуло что-то вроде крохотной синей сверхновой. До Мора дошло, что таким образом, несколько неловко и абсолютно неумело, Смерть пытался подмигнуть ему.

В местности, ничем не обязанной ни времени, ни пространству, не зафиксированной ни на одной карте, существующей только в тех дальних далях многократно переплетенного и запутанного космоса, которые открываются лишь немногим астрофизикам, систематически перебарщивающим с ЛСД, Мор мирно коротал дневные часы, помогая Альберту с посадкой брокколи. Капуста была черной, с оттенком багрового.

- Он старается как может, сам видишь, - произнес Альберт, размахивая тляпкой словно в подтверждение своих слов. - Вот только когда дело касается цветов, у него воображение вроде как отказывает.

- Я не уверен, что вполне понимаю, - признался Мор. - Ты хочешь сказать, все это - его рук дело?

Сразу за стеной сада местность резко падала, переходя в глубокую низину, затем вскарабкивалась вверх, превращаясь в сумрачную вересковую пустошь, а там победным маршем шла до самых гор, зубастых, точно кошачья пасть.

- Ага, - кивнул Альберт. - Не отвлекайся. Смотри, что делаешь с лейкой.

- А что здесь было раньше?

– Кто его знает, – Альберт начал новый ряд. – Твердь, я полагаю. Довольно забавное название для необработанного ничто. Сказать по правде, сработано довольно слабо. Сад еще ничего, но горы – откровенная халтура. Стоит подойти ближе, и сразу видно: только дотронься, они разлетятся как пух. Я как-то сходил туда и посмотрел.

Мор незаметно скосил глаза на ближайšie деревья. Они выглядели похвально плотными и материальными.

– Для чего ему все это? – спросил он.

Альберт издал ворчание, выражающее недовольство.

– Знаешь, что происходит с мальчиками, которые задают чересчур много вопросов?

Мор на мгновение задумался.

– Нет, – в конце концов промолвил он. – Что?

Воцарилось молчание.

– Разрази меня гром, если я знаю, – произнес Альберт, выпрямляясь. – Наверное, они получают ответы, а затем используют их для своего блага.

– Он сказал, что сегодня вечером я могу поехать с ним.

– Ну и везунчик ты, а? – неопределенно хмыкнул Альберт, направляясь обратно к коттеджу.

– Он в самом деле создал все это? – удивился Мор, следуя за ним по пятам, словно нитка, вставленная в иглочное ушко.

– Да.

– Зачем?

– Мне кажется, ему хотелось иметь какое-то место, где бы он мог чувствовать себя как дома.

– Альберт, ты мертв?

– Я? Я что, выгляжу мертвым? – Старик фыркнул, заметив, что Мор обводит его медленным критическим взором. – Немедленно прекрати. Я так же жив, как и ты. Пожалуй, еще поживее буду.

– Прости.

– Проехали. – Альберт отворил дверь черного хода, затем обернулся и посмотрел на Мора так доброжелательно, насколько это было в его силах. – Лучше не задавай лишних вопросов, – посоветовал он. – Ими ты огорчаешь людей. А теперь как насчет того, чтобы поджарить что-нибудь вкусненькое?

Колокольчик прозвенел, когда они играли в домино. Мор наострил уши.

– Ему понадобится лошадь, – сказал Альберт. – Пошли.

В сгущающихся сумерках они отправились в конюшню. Там Мор внимательно изучил, как старик седлает лошадь Смерти.

– Ее зовут Бинки, – сообщил Альберт, подтягивая подпруги. – Никогда не знаешь, в какой момент ей взбредет в голову показать норы.

Бинки нежно покусывала его шарф.

Мору вспомнилась гравюра из бабушкиного альманаха. Гравюра находилась как раз между календарем посадок и страницей, посвященной фазам луны. Она изображала Смерть – Великого Жнеца, Пришедшего В Юдоль Скорби Собрать Свою Мрачную Жатву. Мор рассматривал ее сотни раз, пока учил буквы. Картина не производила бы даже половину своего впечатления, знай неискушенный читатель, что лошадь с огнедышащими ноздрями, на которой восседает ужасный призрак, зовут Бинки.

– Я бы придумал что-нибудь вроде Клык, Сабля или Черный Бриллиант, – продолжал Альберт, – но у хозяина свои маленькие причуды. Небось ждешь не дождешься, когда поедете, а?

– Да, наверное, – несколько неуверенно произнес Мор. – Я никогда своими глазами не видел Смерть за работой.

– Не многим это удавалось, – согласился Альберт. – И уж во всяком случае, никому не сходило с рук дважды.

Мор набрал в легкие побольше воздуха и решился.

– Насчет его дочки... – начал он.

– А, ВЫ ЗДЕСЬ. ДОБРЫЙ ВЕЧЕР, АЛЬБЕРТ, МАЛЬЧИК.

– Мор, – машинально поправил Мор.

Смерть широкими шагами вступил в конюшню, слегка пригибаясь, чтобы не задеть потолок. Альберт приветственно кивнул, причем, как заметил Мор, в его кивке не было ни намека на раболепие слуги. Он просто ответил на приветствие, отдавая дань формальности. Мору пару раз приходилось видеть слуг в тех редких случаях, когда отец брал его с собой в город, и Альберт ничем не напоминал людей этой профессии. Он вел себя так, словно дом на самом деле принадлежит ему, а реальный хозяин – это нечто, с чем приходится мириться, вроде лупящейся краски или пауков в уборной. Смерть, похоже, против такой позиции ничего не имел. Выглядело это так, будто все, что должно быть сказано между ним и Альбертом, было сказано давным-давно. И теперь каждый занимался своим делом с минимумом неудобств в процессе. Мор же чувствовал себя так, словно прогуливался после сильнейшей грозы. Природа отбушевала. Все вокруг чистое и умытое, воздух свеж. Ничего неприятного, но есть чувство, будто только что высвободилось колоссальное количество энергии.

К списку, который он вел внутри себя, – списку вещей, которые надо сделать, – присовокупился пункт о выяснении причин странного поведения Альберта.

– ПОДЕРЖИ, – Смерть сунул в руку Мору косу, а сам легким движением взлетел в седло.

Коса на вид казалась вполне обычной, нормальной. Если не считать лезвия: оно было таким тонким, что сквозь него можно было смотреть, – полоска бледно-голубого мерцания в воздухе, способная резать пламя и колоть звук. Мор держал косу очень осторожно.

– МОЛОДЕЦ, МАЛЬЧИК, – одобрительно произнес Смерть. – А ТЕПЕРЬ ЗАБИРАЙСЯ СЮДА. АЛЬБЕРТ, НЕ ЖДИ НАС.

Лошадь пошла легкой рысцой – со двора и в небо.

Этот момент должен был сопровождаться вспышкой, на худой конец потоком звезд. Воздуху надлежало завернуться спиралью и превратиться в облако вращающихся искр. Такие явления обычно происходят во время заурядного, набившего оскомину гиперскачка из одного измерения в другое. Но в данном случае парадом командовал Смерть, а он, как истинный художник, не нуждался в дешевых эффектах. Он проскальзывал между измерениями бесшумно, без усилий, с таким же изяществом, с каким проходил сквозь запертую дверь. Легким галопом они пересекали облачные каньоны, неслись мимо колеблющихся, точно волны, громад кучевых облаков, пока, наконец, облачные жгуты не расступились и их взорам не открылась панорама нежащегося в лучах солнечного света Диска.

– ВСЕ ПОТОМУ, ЧТО ВРЕМЯ ПОДДАЕТСЯ РЕГУЛИРОВКЕ, – ответил Смерть на удивленный вопрос Мора. – НА САМОМ ДЕЛЕ ОНО ВОВСЕ НЕ ТАК УЖ ВАЖНО.

– Я всегда считал его важным.

– ЛЮДИ ПРИПИСЫВАЮТ ЕМУ ТАКУЮ ВАЖНОСТЬ ТОЛЬКО ПОТОМУ, ЧТО ИМЕННО ОНИ ИЗОБРЕЛИ ЕГО, – последовал пасмурный ответ, показавшийся Мору крайне банальным.

Однако юноша решил оставить возражения при себе.

– Что мы будем делать сейчас? – спросил он.

– В КЛАТЧЕ ИДЕТ МНОГООБЕЩАЮЩАЯ ВОЙНА, – пояснил Смерть. – ЗАМЕЧЕНО НЕСКОЛЬКО ВСПЫШЕК ЧУМЫ. ИЛИ, ЕСЛИ ТЫ ПРЕДПОЧИТАЕШЬ, МОЖНО ЗАНЯТЬСЯ ОДНИМ ДОВОЛЬНО ИНТЕРЕСНЫМ ПОКУШЕНИЕМ.

– Что, убийство?

– АГА, КОРОЛЯ.

– А, короли, знаю... – произнес Мор таким тоном, как будто речь шла о чем-то хорошо известном и даже вызывающем легкое утомление.

Раз в году в Овцекряжье заходила группа бродячих или, по крайней мере, легких на подъем актеров. В представлениях, которые они давали, речь неизменно шла о королях. Они только и делали, что либо убивали друг друга, либо были убиваемы. Плели сложные и запутанные заговоры, в ходе которых одну личность обязательно (невзирая на бросающиеся в глаза различия) принимали за другую, а сыновья надежно и надолго терялись (чтобы затем, в самый драматический момент, найтись). Дежурный набор неминусом включал в себя призраков, ведьм и, как правило, большое количество с наслаждением пускаемых в ход ядовитых и отравляющих веществ и кинжалов. Все в целом создавало впечатление, что быть королем – не синекура. Тем большее удивление вызывал тот факт, что половина действующих лиц, судя по маниакальному упорству, сгорает от желаний таковыми стать. В общем-то, у Мора сложилось довольно противоречивое представление о жизни в королевском дворце. Единственная четкая идея, которую он извлек из этих представлений, состояла в том, что обитатели всяческих замков хронически недосыпают.

– Пожалуй, мне было бы очень интересно посмотреть на настоящего короля, – заявил он. – Моя бабушка говорила, они все время носят корону. Даже когда ходят в уборную.

Смерть тщательно обдумал это высказывание.

– ЧИСТО ТЕХНИЧЕСКИ НЕТ НИКАКИХ ПРИЧИН, ПРОТИВОРЕЧАЩИХ ЭТОМУ, – признал он. – ОДНАКО, ЕСЛИ ИСХОДИТЬ ИЗ МОЕГО ОПЫТА, ОБЫЧНО ЭТО НЕ ТАК.

Лошадь повернула, и под ними понеслась гигантская шахматная доска – это молниеносно перемежались темные и светлые участки равнины Сто. Это была

плодородная местность, изобилующая илистыми наносами, сбегающими с покатых холмов капустными полями и аккуратными крошечными королевствами. Границы извивались, точно змеи в огороде, и были такими же ползучими. Ползучесть объяснялась теми перманентно происходящими изменениями на политической карте местности, которые привносили небольшие, чисто формальные войны, брачные договоры, сложные военные союзы и небрежные исследования очередного придворного картографа.

- Этот король, - спросил Мор, когда под ними, точно застежка-«молния», проскользнул лес, - он хороший или плохой?

- Я НИКОГДА НЕ ОЗАБОЧИВАЮСЬ ТАКИМИ ВЕЩАМИ, - последовал ответ. - ДУМАЮ, ОН НИЧЕМ НЕ ХУЖЕ ЛЮБОГО ДРУГОГО КОРОЛЯ.

- А он казнит людей? - произнес Мор и, вспомнив, с кем разговаривает, добавил:
- Не при вашей чести будь сказано, конечно.

- ИНОГДА. ЕСТЬ НЕКОТОРЫЕ ВЕЩИ, КОТОРЫЕ ПРИХОДИТСЯ ДЕЛАТЬ, ЕСЛИ ТЫ КОРОЛЬ.

Под ними замелькал город. Его постройки скучились вокруг замка, возведенного на торчащем, точно геологический прыщ на ровном месте, скалистом возвышении. Этот гигантский кусок скалы, сообщил Смерть, изначально был частью Овцепикских гор. Сюда его принесли сползающие льдины. Дело было в те легендарные дни, когда Ледяные Великаны пошли войной на богов и в своей попытке заморозить мир сдвинули льды с места. Ледяная лавина поползла по земле, сметая и замораживая все на своем пути. Однако в конце концов Великаны сдались и погнались гигантские, поблескивающие на солнце стада обратно в укрытые островерхими хребтами земли, что лежат среди гор неподалеку от Пупа. Зачем они заварили эту кашу - для всех обитателей равнины оставалось полнейшей загадкой. Правда, среди молодого поколения Сто Лата (того самого городка, который притулился у замка) широко распространилась теория, что вся затея объясняется обуявшей Великанов жуткой скучищей: посиди-ка лет этак с тыщу среди льдов, за забором из гор - поневоле взвоешь волком и пойдешь на кого-нибудь войной!

Бинки рысью снижалась, пока не коснулась копытами плит самой высокой башни замка. Смерть спешился и велел Морю заняться лошадиной торбой.

– А люди не заметят, что здесь, наверху, пасется лошадь? – спросил Мор, когда они зашагали к заключенной в вертикальную шахту винтовой лестнице.

Смерть отрицательно покачал головой:

– А ТЫ БЫ ПОВЕРИЛ, ЧТО НА ВЕРШИНЕ ЭТОЙ БАШНИ МОЖЕТ СТОЯТЬ ЛОШАДЬ?

– Нет. Ее же ни в жизнь не затащить сюда по этой лестнице.

– НУ ТАК?

– О, понял. Люди никогда не видят то, существование чего им кажется невозможным.

– МОЛОДЕЦ.

Теперь они шагали по просторному коридору, увешанному гобеленами. Из глубин своего одеяния Смерть извлек песочные часы. В тусклом свете коридора он пристально взгляделся в них.

Эти часы отличались особой тонкостью работы. Поблескивающее затейливыми гранями стекло было заключено в витиеватый футляр из благородного дерева, отделанный по краям медью. На деревянной поверхности читалась выгравированная надпись: «Король Олирв, Ублюдок».

Песок внутри часов странно поблескивал. Его оставалось самая малость.

Бормоча что-то под нос, Смерть упрятал часы обратно.

Они завернули за угол и буквально ударились о стену из звуков. Перед ними раскинулся зал, полный людей. Облака табачного дыма вместе с болтовней поднимались вверх, под самую крышу, где в густых до непроницаемости тенях еле-еле различались призрачные очертания знамен. На галерее трио менестрелей выбивалось из сил, чтобы быть услышанным, – и не преуспевало в этом. Появление Смерти никого особо не взбудоражило. Ливрейный лакей у двери повернулся, открыл было рот – и нахмурился, как будто отвлеченный внезапно пришедшей ему в голову глубокой мыслью. Несколько придворных

кинули взоры в их направлении, но взгляды тут же «поплыли», когда здравый смысл победил остальные пять чувств.

– У НАС В ЗАПАСЕ ЕСТЬ НЕСКОЛЬКО МИНУТ, – произнес Смерть, подхватывая с проносимого мимо подноса бокал. – МОЖНО ПОБРОДИТЬ.

– Меня тоже не видно! – воскликнул Мор. – А я настоящий, самый что ни на есть реальный!

– РЕАЛЬНОСТЬ НЕ ВСЕГДА ТАКОВА, КАКОЙ КАЖЕТСЯ. И В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ ЕСЛИ ОНИ НЕ ХОТЯТ ВИДЕТЬ МЕНЯ, ТО ТЕБЯ ТЕМ БОЛЕЕ НЕ ПОЖЕЛАЮТ ЛИЦЕЗРЕТЬ. АРИСТОКРАТЫ, МАЛЬЧИК. ОНИ СОБАКУ СЪЕЛИ НА ТОМ, ЧТОБЫ НЕ ВИДЕТЬ, НЕ ЗАМЕЧАТЬ ТОГО, ЧТО У НИХ ПОД САМЫМ НОСОМ. СЛУШАЙ, ПАРЕНЬ, А ДЛЯ ЧЕГО, КАК ТЫ ДУМАЕШЬ, ЭТА ВИШНЯ НА СОЛОМИНКЕ?

– Мор, – машинально напомнил Мор.

– ВЕДЬ ДЕЛО НЕ В ТОМ, ЧТО ОНА ЧТО-ТО ПРИБАВЛЯЕТ К ВКУСУ. И КАК ЧЕЛОВЕКУ ПРИШЛО В ГОЛОВУ ВЗЯТЬ ВО ВСЕХ ОТНОШЕНИЯХ ИДЕАЛЬНО ПРИГОТОВЛЕННЫЙ НАПИТОК И ВСТАВИТЬ ТУДА ВИШНЮ НА СОЛОМИНКЕ?

– А чего мы ждем? – отсутствующе поинтересовался Мор.

В локоть ему врезался какой-то престарелый граф, поглядел куда угодно, только не на Мора, пожал плечами и пошел своей дорогой.

– ПРИВЫКАЙ, – Смерть указал пальцем на поднос с канапе. – Я ХОЧУ СКАЗАТЬ, ГРИБЫ – ДА, ЦЫПЛЕНОК – ДА, СМЕТАНА – ДА. Я НИЧЕГО НЕ ИМЕЮ ПРОТИВ ЛЮБОГО ИЗ ЭТИХ ВИДОВ ДОБРОЙ, НОРМАЛЬНОЙ ЕДЫ. НО ЗАЧЕМ, ВО ИМЯ ЗДРАВОВОГО РАССУДКА И ТРЕЗВОЙ ПАМЯТИ, СМЕШИВАТЬ ИХ ВМЕСТЕ И КЛАСТЬ В ЭТИ КРОШЕЧНЫЕ КОРЗИНОЧКИ?

– Не понял? – только и смог ответить Мор.

– ВОТ ОНИ – СМЕРТНЫЕ, – продолжал Смерть. – ВСЕ, ЧТО У НИХ ЕСТЬ, – СОВСЕМ НЕМНОГО ЛЕТ В ЭТОМ МИРЕ. И ОНИ ПРОВОДЯТ ДРАГОЦЕННЫЕ ГОДЫ ЖИЗНИ ЗА УСЛОЖНЕНИЕМ ВСЕГО, К ЧЕМУ ПРИКАСАЮТСЯ. ОЧАРОВАТЕЛЬНО. ПОПРОБУЙ

КОРНИШОН.

– А где король? – продолжал гнуть свое Мор. Вытягивая шею, он смотрел поверх голов придворных.

– ВОН ТОТ МАЛЫЙ С ЗОЛОТИСТОЙ БОРОДОЙ. – С этими словами Смерть постучал по плечу одного из лакеев и, когда тот, повернувшись, принялся с озадаченным видом оглядываться вокруг, изящным движением взял с его подноса еще один бокал, выписав в воздухе красивую дугу.

Мор бросал вокруг ищущие взгляды. Наконец его поиски увенчались успехом: он увидел окруженную небольшой группкой людей фигуру человека. Тот стоял в самом центре толпы, слегка наклонившись, чтобы лучше слышать произносимые низкорослым придворным слова. Король был высоким и грузным. На его флегматичном лице застыло выражение терпения такого калибра, которое может быть свойственно лишь наработавшейся на своем веку, всего навидавшей и ко всему привыкшей лошади.

– Он не похож на плохого короля, – заметил Мор. – Зачем кому-то убивать его?

– ВИДИШЬ ЧЕЛОВЕКА РЯДОМ С НИМ? С УСИКАМИ И УХМЫЛКОЙ, КАК У ЯЩЕРИЦЫ? – Смерть указал на человека косой.

– Да.

– ЕГО ДВОЮРОДНЫЙ БРАТ, ГЕРЦОГ СТО ГЕЛИТСКИЙ. НЕ САМЫЙ МИЛЫЙ ИЗ ЛЮДЕЙ, – произнес Смерть. – ИЗ ТЕХ ЛОВКИХ ПРОЙДОХ, ЧТО ВСЕГДА ВЕРТЯТСЯ ПОД РУКОЙ С БУТЫЛКОЙ ЯДА В КАРМАНЕ. В ПРОШЛОМ ГОДУ БЫЛ ПЯТЫМ В ОЧЕРЕДИ ПРЕТЕНДЕНТОВ НА ПРЕСТОЛ. СЕЙЧАС УЖЕ ВТОРОЙ. ВРОДЕ КАК ПРОДВИНУЛСЯ ПО СОЦИАЛЬНОЙ ЛЕСТНИЦЕ.

Покопавшись в глубинах одеяния, Смерть опять извлек песочные часы. Там в стеклянном сосуде, заключенном в железный решетчатый футляр с шипами, тек согласно положенному курсу черный песок. Смерть произвел пробное потряхивание.

– И ПРОЖИВЕТ ЕЩЕ ЛЕТ ТРИДЦАТЬ – ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ, – вздохнул он.

– Он занимается тем, что убивает людей? – Мор покачал головой. – Нет никакой справедливости.

Смерть ответил вздохом.

– НА-КА, – кивнул он, передавая свой напиток пажу, который с удивлением обнаружил, что, откуда ни возьмись, в руке у него очутился пустой бокал. – ЕСТЬ ТОЛЬКО Я.

Он извлек из ножен меч. Его лезвие напоминало лезвие официального реквизита ведомства – косы. Такое же тонкое, как тень, и льдисто-голубое, точно крыло стрекозы. Смерть шагнул вперед.

– Я думал, ты пользуешься косой, – прошептал Мор.

– КОРОЛИ УДОСТАИВАЮТСЯ МЕЧА, – последовал ответ. – ПРАВО ЦАРСТВУЮЩИХ ДОМОВ, ПРЕРОГАТИВА.

Его свободная правая рука вновь запустила костяные персты в глубины одеяния и извлекла оттуда часы короля Олирва. В верхней половине, там, где колба переходила в узкий перешеек, сбились в микроскопическую кучку последние несколько песчинок.

– БУДЬ ВНИМАТЕЛЕН, – посоветовал Мору Смерть. – НЕ ИСКЛЮЧЕНО, ЧТО ВПОСЛЕДСТВИИ ТЕБЕ БУДУТ ЗАДАВАТЬ ВОПРОСЫ.

– Подожди, – голос вконец растерявшегося Мора звучал очень жалобно. – Это несправедливо. Разве ты не можешь помешать убийству?

– СПРАВЕДЛИВОСТЬ? – удивился Смерть. – А ЧТО, КТО-ТО ГОВОРИЛ О СПРАВЕДЛИВОСТИ?

– Я хочу сказать, если тот, другой, такой...

– ПОСЛУШАЙ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ ЗДЕСЬ СОВЕРШЕННО НИ ПРИ ЧЕМ. НАМ НЕЛЬЗЯ СТАНОВИТЬСЯ НА ЧЬЮ-ЛИБО СТОРОНУ. ЕСЛИ ВРЕМЯ ПРИХОДИТ, ОНО ПРИХОДИТ. ВОТ И ВСЕ, МАЛЬЧИК.

– Мор, – простонал Мор, не отрывая взгляда от толпы.

И затем он увидел ее. Случайное движение людей в толпе открыло коридор между Мором и стройной рыжеволосой девушкой. Та сидела среди женщин более старшего возраста, расположившихся за спиной короля. Слово «красивая», пожалуй, не вполне к ней подходило, поскольку у девицы имелся явный перебор по части веснушек и, честно говоря, костлявости. Но ее вид вызвал у Мора шок, который раскалил докрасна заднюю часть его мозга и, мерзко хохоча, загнал онемевшее орудие мыслительного процесса под ложечку его обладателя.

– ПОРА. – Смерть слегка подтолкнул Мора острым локтем. – СЛЕДУЙ ЗА МНОЙ.

Смерть зашагал в направлении короля, слегка подбрасывая в руке меч, словно взвешивая. Мор замигал и двинулся за ним. На какое-то мгновение взгляд девушки пересекся с его взглядом, тут же ушел в сторону, но затем вернулся. Ее глаза поворачивались точно на шарнирах и тащили за собой голову. Она чуть не свернула себе шею, рот начал раскрываться, готовый исторгнуть «о!» ужаса.

Позвоночник Мора расплавился. Он бегом бросился к королю.

– Будьте осторожны! – пронзительно закричал он. – Вам угрожает огромная опасность!

В то же мгновение воздух загустел, превратившись в густую патоку. Мир, уподобившийся бреду жертвы солнечного удара, наполнился синими и пурпурными тенями. Звуки становились все тише и тише, замирая, пока шум пира не превратился в отдаленный шелест – так слышна музыка из наушников, когда они надеты на другого человека. Мор увидел Смерть. Тот стоял совсем рядом с королем, точно близкий его товарищ, устремив взгляд наверх, на...

На галерею с менестрелями.

Мор увидел лучника, увидел лук, а затем – выпущенную стрелу. И вот она уже летит, рассекая густой воздух со скоростью больной змеи. Как ни медлителен был ее полет, Мору не удалось обогнать ее. Казалось, прошли часы, прежде чем он смог совладать с налившимися свинцом ногами. Но в конце концов ему

удалось добиться того, чтобы обе ноги коснулись пола одновременно. Из всех сил оттолкнувшись, он придал телу все ускорение, на какое был способен.

И медленно завращался в воздухе.

– ИЗ ЭТОГО ВСЕ РАВНО НИЧЕГО НЕ ВЫЙДЕТ, – произнес Смерть без тени вражды или осуждения. – ТВОЕ ЖЕЛАНИЕ ПОПЫТАТЬСЯ ЧТО-ТО ИЗМЕНИТЬ ВПОЛНЕ ЕСТЕСТВЕННО. НО НИЧЕГО НЕ ПОЛУЧИТСЯ.

Словно во сне, Мор плыл сквозь молчащий мир...

Стрела попала в цель. Смерть, ухватившись за меч двумя руками, сделал широкий замах. Еле видимое лезвие мягко прошло сквозь шею короля, не оставив и следа. Мору, который медленно, вращаясь по спирали, плыл по сумрачному миру, показалось, будто упала призрачная тень.

Этой тенью никак не мог быть король, поскольку он по-прежнему стоял на прежнем месте, его крупная фигура явственно выделялась на фоне толпы. С выражением крайнего удивления он смотрел прямо на Смерть. Возле ног правителя покоилось сумрачное, похожее на темноватый сгусток нечто. На это нечто люди, находящиеся даже далеко от короля, реагировали ошеломленными восклицаниями и воплями.

– ХОРОШАЯ РАБОТА, ЧИСТАЯ, – раздался голос Смерти. – СО ЗНАТЬЮ ВЕЧНО ПРОБЛЕМЫ. ОНИ УПОРНЕЕ ЦЕПЛЯЮТСЯ ЗА ЖИЗНЬ. СРЕДНИЙ КРЕСТЬЯНИН, ТАК ТОТ ПРОСТО ЖДЕТ НЕ ДОЖДЕТСЯ ПОКИНУТЬ ЭТОТ МИР.

– Какого черта, кто ты такой? – воскликнул король. – Что ты здесь делаешь? А? Охрана! Я треб...

Тут до него дошло. Сообщение, передаваемое зрением его мозга, наконец достигло цели. И Мор не мог скрыть глубокого уважения, которое внушила ему реакция короля. Король Олирв держался на престоле в течение многих лет. И даже сейчас, будучи мертвым, сумел повести себя достойно.

– А, – промолвил он, – все понятно. Не ожидал увидеть тебя так скоро.

- ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО, – поклонился Смерть, – МЕНЯ РЕДКО КОГДА ЖДУТ.

Король огляделся. Он находился в озаренном тусклым светом мире теней. Здесь царил тишина. Но за его пределами ощущались бурное движение и шум. Сюда, однако, доносились лишь бледные отголоски.

- Это я здесь внизу, да?

- БОЮСЬ, ЧТО ТАК, СИР.

- Чистая работа. Выстрел из лука?

- ДА. А ТЕПЕРЬ, СИР, ЕСЛИ НЕ ВОЗРАЖАЕТЕ...

- Кто это сделал? – спросил король.

Смерть помедлил с ответом.

- НАЕМНЫЙ УБИЙЦА ИЗ АНК-МОРПОРКА, – произнес он.

- Хм-м... Умно. Сто Гелитского можно поздравить. А я тут накачиваюсь противоядиями. Но от холодной стали противоядия не существует, не правда ли? А?

- ИСТИННАЯ ПРАВДА, СИР.

- Старая добрая веревочная лестница и быстрый скакун, ждущий у подъемного моста?

- ПОХОЖЕ НА ТО, СИР, – согласился Смерть, мягко беря тень короля за руку. – ЕСЛИ ЭТО ПОСЛУЖИТ УТЕШЕНИЕМ, ТО КОНЬ ДОЛЖЕН БУДЕТ ПОСПЕШИТЬ.

- Э-э?

Смерть позволил застывшей улыбке сделаться чуть-чуть шире.

– У МЕНЯ НАЗНАЧЕНА ВСТРЕЧА С ЕГО ВСАДНИКОМ ЗАВТРА УТРОМ В АНКЕ, –
объяснил он. – ПОНИМАЕТЕ, ГЕРЦОГ СОБРАЛ ЕМУ КОЕ-ЧТО ПОЕСТЬ НА ДОРОЖКУ.

Король, чье выдающееся соответствие занимаемой должности подразумевало отсутствие легкости на подъем, некоторое время размышлял над этой новостью. Затем отрывисто рассмеялся. Тут он впервые за все время заметил Мора.

– А это кто? – осведомился он. – Тоже мертвый?

– МОЙ УЧЕНИК, – махнул рукой Смерть. – РАСТЕТ НЕ ПО ДНЯМ, А ПО ЧАСАМ. ИЗ НЕГО ВЫДЕТ ХОРОШИЙ СОБЕСЕДНИК, ИЗ ЭТОГО ЗАМОРЫША.

– Мор, – машинально поправил Мор.

Звуки разговора создавали завихрения в вязком воздухе. Струи голосов омывали Мора. Но все его внимание было захвачено окружающим – он не мог оторвать взгляд от невероятной сцены. Как зачарованный, он смотрел то на Смерть, выглядевшего весьма плотным и реальным, то на короля, вид которого на удивление соответствовал мертвецу. Тогда как весь остальной мир представлял собой смутную массу скользящих теней. Фигуры склонялись над рухнувшим и тяжело осевшим телом, проходили сквозь Мора, точно были не более материальны, чем туман.

Поразившая Мора девушка рыдала, упав на колени.

– Это моя дочь, – объяснил король. – Мне должно быть грустно. Почему я не чувствую ничего подобного?

– ЧУВСТВА ОСТАЛИСЬ ТАМ. ЭТО ВЕДЬ ВОПРОС ЖЕЛЕЗ.

– А... Полагаю, причина именно в этом. Она нас не видит, не так ли?

– НЕТ.

– И, наверное, нет никакой возможности?..

– НИКАКОЙ, – отвечивал Смерть.

- Просто ей предстоит стать королевой, и если бы я мог...

- УВЫ.

Девушка посмотрела вверх, ее взгляд прошел сквозь Мора. Он наблюдал, как герцог приблизился к ней и утешающе положил на плечо руку. На губах этого человека блуждала легкая улыбка. Так своими песочными гребешками улыбаются отмели в ожидании неосторожных кораблей.

- Ты вряд ли меня услышишь, - сказал Мор. - Но не доверяй ему!

Девушка воззрилась на Мора, напряженно шуря глаза, так что ее лицо сложилось в гримаску. Он потянулся к ней - только чтобы увидеть, как его рука прошла прямо сквозь ее ладонь.

- ПОШЛИ, МАЛЬЧИК. НЕКОГДА МЕДЛИТЬ.

Его плечо крепко сжали пальцы Смерти - жест, как ощутил Мор, не лишенный симпатии. С неохотой оторвав взгляд от девушки, он последовал за Смертью и королем.

Те прошли сквозь стену. Только оказавшись на полпути к препятствию, Мор осознал, что ходить сквозь стены невозможно.

Самоубийственная логичность этого факта едва не погубила его. Он успел ощутить ледяной холод камня, но тут в ушах у него прозвучал голос:

- СМОТРИ НА ЭТО СЛЕДУЮЩИМ ОБРАЗОМ. НЕ МОЖЕТ БЫТЬ, ЧТОБЫ СТЕНА БЫЛА ЗДЕСЬ, ИНАЧЕ ТЫ БЫ НЕ ПРОШЕЛ СКВОЗЬ НЕЕ. ТЫ СПОСОБЕН ПРЕДСТАВИТЬ СЕБЕ ЭТО, МАЛЬЧИК?

- Мор, - поправил Мор.

- ЧТО?

– Меня зовут Мор. А еще Мортимер, – произнес Мор рассерженно, пропихиваясь вперед.

Холод остался позади.

– ЕСТЬ! НЕ ТАК УЖ И ТРУДНО, ВЕРНО?

Мор смерил взглядом коридор. Похлопал ладонью по стене, испытывая ее на твердость. Все говорило о том, что он прошел сквозь нее. Однако сейчас она казалась достаточно монолитной, и вкрапленные в нее крошки слюды словно подмигивали, отражая лучики света.

– Как тебе это удастся? – произнес он. – Как мне это удалось? Это что, волшебство?

– ВОЛШЕБСТВО ЗДЕСЬ НИ ПРИ ЧЕМ, МАЛЬЧИК. КОГДА ТЫ СМОЖЕШЬ ПРОДЕЛЫВАТЬ ЭТО САМОСТОЯТЕЛЬНО, МНЕ БОЛЬШЕ НЕЧЕМУ БУДЕТ ТЕБЯ УЧИТЬ.

Король, смотревшийся теперь более размыто (как будто прохождение сквозь стену способствовало рассеиванию частиц, из которых он состоял), произнес:

– Впечатляет. Кстати, кажется, я таю.

– ПРОИСХОДИТ ОСЛАБЛЕНИЕ МОРФОГЕНЕТИЧЕСКОГО ПОЛЯ, – последовал ответ.

– И что это такое? – Голос короля звучал не громче шепота.

– ЭТО СЛУЧАЕТСЯ СО ВСЕМИ. ПОСТАРАЙТЕСЬ РАССЛАБИТЬСЯ И ПОЛУЧАТЬ УДОВОЛЬСТВИЕ.

– Как? – Голос скользнул, словно легкая тень в воздухе.

– ПРОСТО БУДЬТЕ САМИМ СОБОЙ.

В этот момент фигура короля начала оседать. Бывший монарх все уменьшался и уменьшался, пока его поле наконец не сжалось в крохотную сверкающую точку.

Все произошло столь стремительно, что Мор едва успел заметить превращение. От призрака до пылинки – и все за полсекунды, с еле слышным вздохом.

Смерть мягким движением подхватил поблескивающую точку и бережно спрятал в бездонных глубинах своего одеяния.

– Что с ним произошло? – спросил Мор.

– ЭТО ВЕДОМО ТОЛЬКО ЕМУ ОДНОМУ. ПОШЛИ.

– Моя бабушка говорит, что умереть – это вроде как заснуть, – добавил Мор с тенью надежды в голосе.

– ПО ЭТОМУ ПОВОДУ НИЧЕГО СКАЗАТЬ НЕ МОГУ. НЕ ПРОБОВАЛ НИ ТОГО НИ ДРУГОГО.

Мор на прощание окинул взглядом обстановку. Через распахнутые настежь двери валом валили придворные. Две женщины постарше предпринимали попытки утешить принцессу, однако та вышагивала так стремительно, что им оставалось лишь подпрыгивать у нее за спиной подобно паре суетливых воздушных шариков. Повернув в другой коридор, троица исчезла из поля зрения Мора.

– УЖЕ КОРОЛЕВА, – в голосе Смерти послышались одобрительные нотки. Он всегда ценил стиль.

Только когда они вышли на крышу, Смерть заговорил вновь.

– ТЫ ПЫТАЛСЯ ПРЕДУПРЕДИТЬ ЕГО, – заявил он, отвязывая торбу от морды Бинки.

– Да, господин. Прошу прощения.

– НЕЛЬЗЯ ВМЕШИВАТЬСЯ В СУДЬБУ. КТО ТЫ ТАКОЙ, ЧТОБЫ СУДИТЬ, КОМУ ЖИТЬ, А КОМУ УМЕРЕТЬ?

Смерть пристально наблюдал за выражением лица Мора.

– ТОЛЬКО БОГАМ ДОЗВОЛЕНО ЭТО, – добавил он. – ИСПРАВЛЕНИЕ СУДЬБЫ ОДНОГО-ЕДИНСТВЕННОГО ЧЕЛОВЕКА МОЖЕТ ПРИВЕСТИ К УНИЧТОЖЕНИЮ ВСЕГО МИРА. ПОНИМАЕШЬ?

Мор удрученно кивнул:

– Ты отошлешь меня обратно домой?

Наклонившись, Смерть подхватил юношу и с размаху усадил за седло.

– ИЗ-ЗА ТОГО, ЧТО ТЫ ПРОЯВИЛ СОСТРАДАНИЕ? НЕТ. ХОТЯ МОГ БЫ ЭТО СДЕЛАТЬ, ПРОЯВИ ТЫ УДОВОЛЬСТВИЕ. НО ТЫ ДОЛЖЕН НАУЧИТЬСЯ СОСТРАДАНИЮ, ПОДОБАЮЩЕМУ НАШЕМУ РЕМЕСЛУ.

– И в чем же оно выражается?

– В ОСТРОТЕ ЛЕЗВИЯ.

Дни проходили один за другим, хотя, спроси Мора, сколько их минуло, он не сумел бы дать точный ответ. Сумрачное солнце мира Смерти регулярно откатывало обязательную программу на небосклоне. Однако в своих посещениях пространства смертных, этой юдоли скорби, Смерть, по всей видимости, не придерживался какой-либо определенной системы. Не ограничивался он также королевскими чертогами и полями сражений: большинство личных визитов наносилось вполне обычным людям.

На стол подавал Альберт. Он много улыбался своим мыслям, а говорил мало. Изабель большую часть времени проводила у себя в комнате или каталась на своем пони по заросшим черным вереском торфяникам, лежащим сразу за домом. Вид девушки со струящимися и развевающимися на ветру волосами производил бы большее впечатление, будь она более умелой наездницей, будь пони покрупнее или обладай она волосами того сорта, что струятся естественным образом. Одни волосы имеют это свойство, другие – нет. Ее волосы такого свойства не имели.

Когда Мор не сопровождал хозяина в исполнении того, что Смерть называл Обязанностями, то помогал Альберту, находил себе другую работу либо в саду, либо в конюшне или исследовал обширную библиотеку Смерти. Он поглощал книги со скоростью, характерной для тех, кто впервые открыл магию написанного слова.

Разумеется, большая часть книг в библиотеке представляла собой биографии.

И все из них были необычными. Они писали сами себя. Ясно, что уже умершие люди исписали свои книги от корки до корки, в то время как еще не родившимся лишь предстоит заполнить пустые страницы. Но что касается тех, кто посередине... Тут Мор кое-что заметил. Он помещал в книгу закладку, а потом читал появившиеся строки. По его оценке, количество новых абзацев в некоторых книгах возрастало со скоростью до четырех-пяти абзацев ежедневно. Почерка он не узнавал.

Наконец он собрался с духом.

– ЧТО? – ошеломленно, не веря своим ушам, переспросил Смерть, восседающий за огромным резным столом.

В руках он вертел ножик для разрезания страниц. Ножик был в форме косы.

– Выходной день, – повторил Мор.

Комната внезапно увеличилась в размерах, став угнетающе большой. А сам Мор показался себе очень уязвимым.

– НО ДЛЯ ЧЕГО? – произнес Смерть. – ТЫ ЖЕ НЕ НА ПОХОРОНЫ БАБУШКИ СОБРАЛСЯ, – добавил он. – ИНАЧЕ Я БЫЛ БЫ В КУРСЕ.

– Я просто хочу, ну, выйти наружу, пообщаться с людьми... – ответил Мор, пытаясь переглядеть неотступный и пронизывающий синий взгляд.

– НО ТЫ ОБЩАЕШЬСЯ С ЛЮДЬМИ КАЖДЫЙ ДЕНЬ, – возразил Смерть.

– Да, знаю, но только, как бы это сказать, не очень подолгу, – попытался объяснить Мор. – Я имею в виду, хотелось бы повстречаться с кем-нибудь, чья вероятная продолжительность жизни превышает пару-другую минут. Господин, – прибавил он.

Смерть забарабанил пальцами по столу, издавая звук, сильно смахивающий на чечетку, которую отбивают на чердаке оживляющиеся с приходом ночи мыши. Одарил Мора еще несколькими секундами пристального взгляда. От его внимания не ускользнуло, что у мальчика теперь торчит гораздо меньше локтей, чем, как он помнил, торчало раньше. Кроме того, Мор держался более прямо и запросто употреблял выражения вроде «вероятная продолжительность». Это все библиотека.

– НУ ХОРОШО, – с неохотой проговорил Смерть. – НО МНЕ КАЖЕТСЯ, ВСЕ, ЧТО ТЕБЕ НАДО, ТЫ МОЖЕШЬ ПОЛУЧИТЬ ПРЯМО ЗДЕСЬ. ОБЯЗАННОСТИ НЕ СЛИШКОМ ОБРЕМЕНИТЕЛЬНЫ ДЛЯ ТЕБЯ?

– Нет, господин.

– У ТЕБЯ ЕСТЬ ХОРОШАЯ ЕДА, ТЕПЛАЯ ПОСТЕЛЬ И СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ. КРОМЕ ТОГО, ТЕБЯ ОКРУЖАЮТ ЛЮДИ ТВОЕГО ВОЗРАСТА.

– Прошу прощения, господин? – не понял Мор.

– МОЯ ДОЧЬ, – пояснил Смерть. – ТЫ ВЕДЬ УЖЕ ПОЗНАКОМИЛСЯ С НЕЙ?

– О! Да, господин.

– В НЕЙ МНОГО ДУШЕВНОЙ ТЕПЛОТЫ. НАДО ТОЛЬКО УЗНАТЬ ЕЕ ПОБЛИЖЕ.

– Уверен, что это так, господин.

– И ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ТЫ ЖЕЛАЕШЬ ПОЛУЧИТЬ, – Смерть выцеживал слова со скоростью, диктуемой отвращением, – ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ?

– Да, господин. Если ничего не имеешь против, господин.

– ОЧЕНЬ ХОРОШО. ДА БУДЕТ ТАК. ДО ЗАХОДА СОЛНЦА МОЖЕШЬ БЫТЬ СВОБОДНЫМ.

Раскрыв громадный гроссбук, Смерть вооружился ручкой и принялся писать. Время от времени он отрывался, чтобы перекинуть костяшки на счетах.

Через минуту он поднял глазницы.

– ТЫ ЕЩЕ ЗДЕСЬ, – заметил он. – ПРИЧЕМ В СВОЕ ДРАГОЦЕННОЕ СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ, – кисло, словно ощущая привкус только что проглоченного лимона, добавил он.

– Э-э, – произнес Мор. – А люди смогут видеть меня, господин?

– ДУМАЮ, ДА. УВЕРЕН. ЕСТЬ ЕЩЕ ЧТО-НИБУДЬ, ЧЕМ БЫ Я МОГ ПОМОЧЬ ТЕБЕ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ТЫ ОТПРАВИШЬСЯ ПРЕДАВАТЬСЯ РАСПУТСТВУ?

– Да, господин, еще одно, господин. Я не знаю, как попасть в мир смертных, господин, – отчаянно закончил Мор.

Смерть шумно вздохнул и выдвинул ящик письменного стола.

– ПРОСТО ПОЙДИ ТУДА.

Мор с несчастным видом кивнул и отправился в долгий путь к входной двери. Когда он потянул дверь на себя, Смерть кашлянул.

– МАЛЬЧИК! – позвал он и кинул какой-то предмет.

Тот пролетел через всю комнату.

Мор машинально подхватил предмет – как раз в тот момент, когда дверь с громким скрипом распахнулась.

Дверного проема больше не существовало. Толстый ковер, в котором тонули ноги, превратился в грязный булыжник. Белый день обрушился на него

Краепадом сверкающего, как ртуть, света.

- Мор, - представился Мор, обращаясь к мирозданию в целом.

- Что? - переспросил оказавшийся поблизости лоточник.

Мор ошарашенно закрутил головой. Он находился на рыночной площади, до отказа набитой людьми и животными. Продавалось все, что только можно продать, - от иголок до спасения души (последнее за разумную цену обеспечивали несколько странствующих пророков). Шум стоял такой, что всякий разговор не на уровне оглушающих воплей становился невозможным.

Мор постучал лоточника по пояснице.

- Ты меня видишь? - требовательно осведомился он.

Лоточник, прищурившись, окинул его критическим взглядом.

- Вроде да, - подтвердил он. - Или кого-то, очень похожего на тебя.

- Благодарю, - произнес Мор, испытывая огромное облегчение.

- Не за что. Я уйму народа вижу каждый день, причем совершенно бесплатно. Шнурки для ботинок купить не желаешь?

- Думаю, нет, господин, - ответил Мор. - А где я нахожусь?

- Ты не знаешь?

Люди, стоящие у соседнего лотка, стали бросать на Мора внимательные взгляды. Надо было срочно придумать подходящее объяснение. Голова у Мора заработала на полную катушку.

- Мой хозяин много путешествует, - сообщил он, что было чистой правдой. - Мы приехали сюда вчера вечером, и я заснул в повозке. А сегодня мне дали выходной.

– А-а, – протянул лоточник. – Тогда понятно. – Он заговорщицки перегнулся через прилавок. – Ищешь, где бы повеселиться? Могу устроить.

– Мне бы куда больше хотелось узнать, где я очутился, – выдал заветную мысль Мор.

Такое неведение до крайности ошеломило его собеседника.

– Это же Анк-Морпорк, – сказал он. – Его любой узнает. Да ты нюхни. По запаху чувствуется.

Мор втянул носом воздух. Городской воздух отдавал чем-то весьма специфическим. У вас сразу возникало чувство, что этот воздух видал виды. С каждым новым вздохом вы все прочнее укоренялись в убеждении, что рядом с вами – прямо под боком – находятся тысячи людей, причем чуть ли не у каждого имеются подмышки.

Лоточник изучал Мора критическим взглядом, отмечая про себя бледность его лица и хорошо скроенную одежду. Довольно странное впечатление складывалось от присутствия этого юноши. Вроде как находишься рядом со сжатой пружиной.

– Слушай, я тебе прямо скажу, – произнес лоточник, сделав свои выводы. – Если хочешь, объясню, как пройти к отличному борделю.

– Я уже обедал, – невпопад отозвался Мор. – Но не мог бы ты сказать, где располагается городок под названием Сто Лат?

– Это миль двадцать в сторону Пупа. Но такому молодому человеку, как ты, там делать нечего, – торговец так и сыпал словами. – Я знаю, ты гуляешь сам по себе, хочешь пережить что-то новое, возбуждающее, жаждешь романтики...

Тем временем Мор развязал мешочек, который кинул ему напоследок Смерть. Тот оказался набитым золотыми монетами.

В его сознании опять возник образ бледного юного лица под копной рыжих волос. Эта девушка каким-то образом поняла, что он был там. Рассеянные

чувства, преследовавшие его последние несколько дней, внезапно сфокусировались в острое действия.

– Мне нужна, – твердо произнес он, – очень быстрая лошадь.

Спустя пять минут Мор заблудился.

Он очутился в самом сердце Анк-Морпорка, во внутренней части города, более известной под именем Тени. Все говорило за то, что территория нуждается в экстренной помощи – либо со стороны властей, либо со стороны поджигателя: на выбор. Охарактеризовать место как «грязное» можно было с натяжкой, которую это слово не выдержало бы. Состояние выходило за рамки тривиальных убожества и запущенности и там, за этими рамками, посредством некоего эйнштейновского изменения направления движения достигало таких высот величественной кошмарности, что этим оставалось лишь гордиться, как гордятся удостоившимся государственной премии архитектурным сооружением. И выражение гордости не сходило с лица этого утопающего в отбросах делового и культурного центра. Шум царил оглушающий, воздух от жары таял, а пахло, как в заваленном коровьим навозом стойле.

В общем и целом это был не столько городской район, сколько экологический объект – что-то вроде стоящего на земле кораллового рифа. Здесь обитали люди, человекообразные эквиваленты омаров, кальмаров, креветок. И акул.

Утратив всякую надежду сориентироваться, Мор бродил по петляющим улочкам. Любое парящее на высоте крыш существо обязательно заметило бы, что вслед за юношей движется толпа совершенно определенного свойства. Создавалось отчетливое впечатление, что множество людей стремятся как бы невзначай сойтись в одной точке-мишени. И парящее на высоте крыш существо пришло бы к справедливому заключению, что вероятная продолжительность жизни «золотоносного» Мора приблизительно та же, что у трехногого дикобраза, забредшего на шестирядный автобан.

Для читателя, вероятно, уже стало очевидным, что Тени были не из тех мест, где живут приличные граждане или натурализовавшиеся чужеземцы. По большей части здесь обитали натурализовавшиеся в данной среде животные.

Периодически Мор предпринимал попытки завязать разговор с целью выяснить, где можно найти хорошего торговца лошадьми. В ответ представитель местной

фауны обычно бормотал что-то неразборчивое и торопился прочь. Эта загадочная на первый взгляд торопливость объяснялась тем, что у любого существа, желающего прожить (точнее, протянуть) в Тенях больше, чем, скажем, часа этак три, развивались очень (ну очень) специфические чувства. При приближении к Морю эти чувства начинали буквально вопить, и любой натурализовавшийся представитель в здравом уме и трезвой памяти не рискнул бы ошиваться рядом с Мором дольше, чем крестьянин под высоким деревом в грозовую погоду.

Итак, Мор приблизился наконец к реке Анк, величайшей из всех рек. Она медленно тащила отяжелевшие от равнинных наносов и ила воды еще до того, как втекала в город. А уж к тому времени, когда она доползала до Теней, по этой воде прошел бы даже самый закоренелый агностик. Утонуть здесь было трудно, легче было умереть от удушья.

Мор с сомнением воззрится на поверхность реки. Она, кажется, двигается. А вот и пузырьки показались. Да, это, наверное, вода.

Он вздохнул и направился прочь.

За спиной у него возникли три человека. Они напоминали булыжники, вынутые из каменной кладки. Выражение их лиц было тяжелым и флегматичным, характерным для профессиональных головорезов. В любом повествовании появление подобных персонажей означает, что герою настало время подвергнуться некоторой опасности, хотя и не слишком серьезной, поскольку дураку ясно, что вскорости головорезам предстоит невероятно удивиться.

Они бросали на Мора косые злобные взгляды. Это у них получалось классно. На этом они прямо-таки собаку съели.

Один из них вытащил нож и начал выписывать в воздухе небольшие круги. Головорез медленно приближался к Морю, в то время как двое его товарищей держались позади, для аморальной поддержки.

- Гони деньги, - проскрежетал он.

Рука Мора легла на привязанный к поясу мешочек.

– Минутку, – сказал он. – А что произойдет потом?

– Чего?

– Речь идет о моем кошельке или о моей жизни? – уточнил Мор. – Грабителям полагается выдвигать такое требование: «Кошелек или жизнь». Я читал об этом в одной книжке.

– Возможно, возможно, – уступил грабитель. Он почувствовал было, что утрачивает инициативу, но тут же сориентировался. – С другой стороны, это ведь могут быть и кошелек, и жизнь. Так сказать, стрельба дуплетом. А? – Он посмотрел на стоящих по бокам подельников. Те словно по команде захихикали.

– В таком случае... – с этими словами Мор принялся подбрасывать мешочек в руке, примеряясь к броску.

Он намеревался зашвырнуть монеты как можно дальше в Анк, хотя налицо была серьезная вероятность отскакивания.

– Эй, ты что это делаешь?! – воскликнул грабитель.

Он рванулся было вперед, но резко затормозил, когда Мор угрожающе замахнулся мешком.

– Я смотрю на происходящее следующим образом, – произнес Мор. – Если вы все равно меня убьете, то какой мне тогда толк в деньгах? Я могу совершенно спокойно от них избавиться. Так что решение полностью за вами.

Для пущей наглядности он извлек из мешочка одну монету и щелчком отправил ее в полет. Вода приняла подношение с горестным сосущим звуком. Грабители содрогнулись.

Главный головорез посмотрел на мешочек. Затем на свой нож. Затем на лицо Мора. Затем на своих товарищей.

– Ты извини... – произнес он, и они сгрудились, чтобы посоветоваться.

Мор зрительно оценил расстояние до ближайшего поворота. Нет, не получится. А если даже и получится, эти типы выглядят так, как будто преследование людей было еще одной вещью, на которой они собаку съели. Однако непривычная логика жертвы привела их в некоторое замешательство.

Главный повернулся обратно к Морю. Словно ставя точку, посмотрел на двух подельников. Те с решительным выражением закивали.

– Я так думаю, мы прикончим тебя и попробуем заполучить деньги, – сообщил он. – Нельзя допустить, чтобы фокусы вроде этого распространились.

Его дружки вытащили ножи. Мор сглотнул.

– Этот шаг может оказаться неразумным, – предупредил он.

– Почему?

– Ну, начать с того, что мне это не нравится.

– А тебе это и не должно нравиться. Твое дело, – грабитель придвинулся ближе, – умереть.

– Не думаю, что пришло мое время, – попятился Мор. – Я уверен, в таком случае меня поставили бы в известность.

– Как это? – удивился головорез, уже по горло сытый всякими рассуждениями. – Мы же тебя сразу поставили в известность. О, вонючий слоновый навоз!

Дело в том, что Мор отступил еще на шаг. И прошел сквозь стену.

Главный грабитель воззрился испепеляющим взором на непроницаемый камень, поглотивший Мора. Затем отшвырнул нож.

– Ну... мать, – заявил он. – Это ...ный волшебник. Ненавижу ...ных волшебников.

– Тогда тебе не стоит... их, – пробормотал под нос один из его приспешников.

- Эй, да он ведь сквозь стену прошел! - выдал третий участник банды, туговато соображающий.

- И к тому же мы потратили на него чертову уйму времени, - пробурчал второй. - Ну и умник же ты, Чесночная Сардина. Я предупреждал, что, по-моему, он волшебник, только волшебники разгуливают здесь сами по себе. Разве я не говорил, что он похож на волшебника? Я говорил...

- Сильно много ты говоришь, - угрожающе пробурчал главный.

- Я видел это, он прошел прямо сквозь стену, вон там...

- Да?

- Да!

- Прямо сквозь нее, разве вы не видели?

- Ну ты остер! Думаешь, сумеешь со мной потягаться?

- Уж потягаюсь!

Главный, одним гибким движением метнувшись к земле, выдернул из нее нож.

- Так же остер, как это перо?

Третий грабитель уперся руками в стену и что было силы несколько раз пнул камень, не обращая внимания на звуки потасовки и сдавленное бульканье за спиной.

- Угу, с этой стеной все в порядке, - констатировал он. - Если я хоть раз видел стену, то это самая что ни на есть стена. Как, по-вашему, они это делают, а, ребята? Ребята?

Он споткнулся о распростертые тела.

– Ох, – только и сумел произнести грабитель. Как медленно ни работали его мозги, даже их скорости хватило, чтобы осознать кое-что очень важное, а именно: он находится на задворках Теней, и при этом в полном одиночестве. Поэтому он рванул с места в карьер и остановился только на изрядном расстоянии от места происшествия.

Смерть неторопливо вышагивал по выложенному плитками полу комнаты с аккуратными рядами жизнеизмерителей на полках. Песочные часы с легким шумом выполняли свою непрекращающуюся работу. Альберт с добросовестным видом следовал за ним, неся открытый гробсбух.

Раздался рев. Ревело и рокотало отовсюду, точно их захватил огромный серый водопад шума.

Его источником были теряющиеся в бесконечности ряды песочных часов, отсчитывающих быстротечные песчинки-секунды жизни смертных. Это был тяжкий звук, сумрачный и глухой. Он изливался, как едкая горчица на сверкающий взбитыми сливками и политый малиновым вареньем пудинг человеческой души.

– ЗАМЕЧАТЕЛЬНО, – высказался Смерть. – ПОЛУЧАЕТСЯ ТРОЕ. СПОКОЙНАЯ НОЧЬ.

– Это будут тетушка Хэмстринг, в очередной раз аббат Лобсанг и принцесса Кели, – произнес Альберт.

Смерть посмотрел на три пары песочных часов, которые держал в руке.

– Я ПОДУМЫВАЛ ПОСЛАТЬ ПАРЕНЬКА, – сообщил он.

Альберт сверился с гробсбухом.

– Ну, с тетушкой особых проблем не будет, да и у аббата есть опыт, что называется. За принцессу обидно. Всего пятнадцать лет. Могут возникнуть сложности.

– ДА. ЖАЛЬ.

– Хозяин?

Смерть стоял с третьими часами в руке, задумчиво уставившись на игру света на поверхности стекла. Он вздохнул.

– ТАКАЯ ЮНАЯ...

– Ты хорошо себя чувствуешь, хозяин? – искренне забеспокоился Альберт.

– ВРЕМЯ ПОДОБНО ВЕЧНОМУ ПОТОКУ, КОТОРЫЙ НЕСЕТ ВСЕХ СВОИХ...

– Хозяин!

– ЧТО? – Смерть резко очнулся от дурманящего сна.

– Ты переработал, хозяин, от этого-то все и...

– ПОСЛУШАЙ, ЧТО ЗА ВЗДОР ТЫ ТУТ НЕСЕШЬ?

Пожав плечами, Альберт уткнулся носом в книгу.

– Хэмстринг – ведьма, – сообщил он. – Она может выказать раздражение, если ты пошлешь Мора.

Все практикующие магию обладали одинаковым правом. Когда их время истекало, а вместе с ним «истекал» и песок в индивидуальных часах, они могли потребовать, чтобы их забрал Смерть собственной персоной, а не мелкие должностные лица из его ведомства.

Смерть, казалось, не слышал Альберта. Он вновь не отрываясь смотрел на часы принцессы Кели.

– ЧТО ЭТО ЗА ОЩУЩЕНИЕ ВНУТРИ ГОЛОВЫ, ОЩУЩЕНИЕ ТОСКЛИВОГО СОЖАЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ ТОГО, ЧТО ВСЕ УСТРОЕНО ТАК, КАК, ПО ВСЕЙ ВИДИМОСТИ, УСТРОЕНО?

– Печаль, хозяин. Мне так кажется. А насчет...

– Я ЕСТЬ ПЕЧАЛЬ.

Альберт как говорил, так и замер с открытым ртом. В конце концов он овладел собой на время, достаточно длительное, чтобы выпалить:

– Хозяин, мы говорили о Море!

– О КАКОМ МОРЕ?

– Твоем ученике, хозяин, – терпеливо, словно разговаривая с малым ребенком, напомнил Альберт. – Высокий такой паренек.

– РАЗУМЕЕТСЯ. ЕГО МЫ И ПОШЛЕМ.

– А он готов работать соло, хозяин? – с сомнением в голосе спросил Альберт.

Смерть задумался.

– ОН СПРАВИТСЯ, – наконец произнес он. – ОН СООБРАЗИТЕЛЕН, БЫСТРО СХВАТЫВАЕТ. И В КОНЦЕ-ТО КОНЦОВ, – добавил он, – НЕ ДУМАЮТ ЖЕ ЛЮДИ, ЧТО МНЕ БОЛЬШЕ ДЕЛАТЬ НЕЧЕГО, КРОМЕ КАК ДЕНЬ И НОЧЬ БЕГАТЬ ЗА НИМИ.

Мор стоял, тупо уставившись на бархатные портьеры, которые тихонько покачивались в нескольких дюймах от его глаз.

«Я прошел сквозь стену, – думал он. – А это невозможно».

Он осторожно раздвинул занавески, чтобы посмотреть, не проглянет ли где-нибудь дверь. Однако увидел лишь облезлую штукатурку. В некоторых местах она окончательно растрескалась и отвалилась, открывая взору слезящуюся влагой, но подчеркнута прочную каменную кладку.

Он потыкал в камень пальцем и окончательно убедился, что еще раз ему такого фокуса не проделать.

- Ну, - обратился он к стене, - и что дальше?

Чей-то голос у него за спиной произнес:

- Хм-м. Я извиняюсь...

Мор медленно повернулся к говорящему.

Сгрудившись вокруг занимающего середину комнаты стола, сидела клатчская семья. Она состояла из отца, матери и полудюжины чахлах детишек. На Мора устремились восемь пар округлившихся глаз. Чего нельзя сказать о девятой, принадлежащей ветхому прародителю неопределенного пола. Ее обладатель воспользовался внезапным появлением незнакомца, чтобы вволю пообщаться с большой чашкой из-под риса, из которой ела вся семья. Очевидно, он придерживался той точки зрения, что вареная рыба в руке значительно превосходит по своим достоинствам любое количество необъяснимых явлений. Так что молчание прерывали звуки решительного и самозабвенного чавканья.

В одном углу тесной комнатенки расположилось святилище шестирукого Бога-Крокодила Оффлера, покровителя Клатча. Он ухмылялся точь-в-точь как Смерть, с той только разницей, что у Смерти не было в подчинении стаи святых птиц, чтобы приносить добрые вести от верных поклонников, а заодно чистить зубы.

Клатчцы ставят гостеприимство превыше остальных достоинств. Пока Мор неотрывно тарачился на открывшееся его взору зрелище, женщина сняла с полки еще одну тарелку и принялась молча наполнять ее, вырвав из рук предприимчивой древности лучший кусок сома, причем она (древность) сначала оказала сопротивление, но после короткой схватки сдалась. Глаза хозяйки, жирно подведенные краской из морской капусты, внимательно следили за Мором.

Тут Мора окликнул отец семейства, и юноша, очнувшись, нервно поклонился.

- Простите, - сказал он. - Я... э-э-э... видимо, я прошел сквозь стену.

Оставалось признать, что представился он не слишком удачно.

– Не угодно ли? – предложил мужчина. Женщина, на запястьях которой позвякивали браслеты, любовно разложила на тарелке несколько тонких ломтиков перца и сбрызнула кушанье темно-зеленым соусом, который Мор вроде узнал. Он пробовал его несколько недель назад, и, хотя рецепт приготовления отличался сложностью, одного вкуса было достаточно, чтобы определить: основным компонентом соуса являются рыбы внутренности, несколько лет подвергавшиеся маринованию в кадучке с акульей желчью. Смерть утверждал, что вкус – дело наживное. Мор решил, что игра не стоит свеч, и не стал себя насиловать. Он бочком двинулся в сторону украшенного бисерными занавесками дверного проема. Все головы как по команде повернулись вслед его движению. Он вымученно улыбнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Скорость практически чего угодно выше скорости света Диска. Свет здесь в отличие от обычного света ленив и нелюбопытен, подобно сытому прирученному псу. Он не передвигается, а плетется. Согласно утверждению философа Лай Тинь Видля, известна только одна вещь,двигающаяся быстрее обычного света. Это монархия. Ход рассуждений Видля примерно таков: в каждый данный момент вы не можете иметь больше одного короля. Наряду с этим традиция требует, чтобы между королями не было промежутков. Следовательно, когда король умирает, престол должен перейти к наследнику мгновенно. Предположительно, рассуждает философ, должны существовать некие

элементарные частицы – королионы или, возможно, королевионы, обеспечивающие непрерывность. Но, конечно, даже здесь иногда случаются проколы, и цепь прерывается. Это бывает, к примеру, тогда, когда королион с лету врезается в античастицу, или с республикой. Честолюбивые планы философа использовать свое открытие для посылки сообщений – включающие в себя осторожную, чтобы не повредить анатомию, пытку маленького короля с целью модулирования сигнала – так до сих пор и не стали достоянием общественности.

Купить: <https://telnovel.com/terri-pratchett/mor-uchenik-smerti-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)